

„Облако - вѣстникъ “(Megha - dūta)

древне-индiйская элегія Калидасы.

Ἀένοιο Νεφέλαι,
ἀρθῶμεν φανεραί
ὄροσερὰν φύσιν εὐάγῃτον,
πατρός ἀπ' Ὀκεανοῦ βαρυαχέος
ὕψηλῶν ὄρεων κορυφάς ἐπι
δενδροκόμους, ἵνα
τηλεφανεῖς σκοπιάς ἀφορώμεθα
καρπούς τ' ἀρόμενάν θ' ἱερὰν χθόνα
καὶ πόντον κελᾶδοντα βαρύβρομον.

Аристофанъ. Облака. ст. 275—284.

I am the daughter of earth and water
And the nursling of the sky:
I pass through the pores of the ocean and shores,
I change, but I cannot die.

P. B. Shelley. The cloud. st. VI.

Eilende Wolken, Segler der Lüfte!
Wer mit euch wanderte, mit euch schiffte!
Grüsset mir freundlich mein Jugendland!
Ich bin gefangen, ich bin in Banden,
Ach, ich hab' keinen andern Gesandten
Frei in Lüften ist eure Bahn...

Schiller. Maria Stuart. III, 1.

Komm mit nach Indien, nach dem Sonnenlande,
Wo Ambrablüten ihren Duft verbreiten,
Die Pilgerscharen nach dem Ganges schreiten
Andächtig und im weissen Festgewande.

Heine. Neue Gedichte.

I.

Калидаса, его время и произведенья.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ ¹⁾ въ 1813 г. Уильсонъ, одинъ изъ
лучшихъ выдающихся европейскихъ ученыхъ—піонеровъ на на-
шемъ тогда открывающемся обширнѣйшемъ поприщѣ индологіи,
нашедъ въ Калькуттѣ санскритскій текстъ поэмы Калидасы
«Megha-dūta», снабдивъ его красивымъ стихотворнымъ переводомъ

¹⁾ Излагаемый этюдъ и переводъ закончены авторомъ лѣтомъ 1913 г., а
печатались 2 октября. Нѣкоторыя новѣйшія библиографическія указанія добавлены
въ текстурѣ.

и обстоятельными примѣчаніями, не утратившими и до сей поры своего значенія. Съ Калидасой, этой «жемчужиной всѣхъ поэтовъ», какъ назвала его индійская традиція, Европа познакомилась отчасти немного раньше: въ 1789 г. его драма «Сакунтала» появилась въ англійскомъ переводѣ Джонса, а черезъ два года въ нѣмецкомъ Фёрстера, и была привѣтствована знаменитымъ четверостишьемъ сего Гёте ¹⁾, откликнувшася весьма сочувственно и на переводъ «Мегха-дуты» ²⁾. Съ тѣхъ поръ «Облако-вѣстникъ» ³⁾, этотъ античный и въ то же время страстный монологъ въ 120 ставкахъ, сочетающій причудливую фантастику съ реализмомъ географическаго описанія маршрута отъ центральной Индіи до подножья Гемалаевъ, выдержалъ много изданій и у себя на родинѣ, и въ Европѣ, переведенъ на разные языки ⁴⁾, но русскаго перевода дождался лишь теперь въ годъ этого «столѣтняго юбилея», который можно приурочить и къ другой, несравненно болѣе внушительной «юбилейной» датѣ, выраженной впрочемъ въ круглыхъ цифрахъ съ обычной для индійской хронологіи степенью приближенія: *полторы тысячи лѣтъ* со времени жизни самаго Калидасы, относимаго въ преобладающему теперь мнѣнію изслѣдователей къ царствованію Чандрагупты II Викрамадитьи, приурочиваемому на основаніи географическихъ и нумизматическихъ данныхъ къ 375—413 г. по Р.Х.

¹⁾ Willst du die Blüte des frühen, die Früchte des späteren Jahres,
Willst du, was reizt und entzückt, willst du, was sättigt und nährt,
Willst du den Himmel, die Erde mit *einem* Namen begreifen,
Nenn'ich, Sakontala, dich, und so ist alles gesagt.

²⁾ Und „Meghaduta“ den Wolkengesandten,
Wer schickt ihn nicht gerne den Seelenverwandten?
(Zahme Xenien, 2-te Reihe)

„Der englische Übersetzer des Wolkenboten ist gleichfalls aller Ehren wert, denn die erste Bekanntschaft mit einem solchen Werke macht immer Epoche in unserm Leben“ (West-östlicher Diwan, Noten und Abhandlungen).

³⁾ Предположеніе Макдонелла (History of sanscrit literature, London. 1900, p. 335), будто обращеніе къ облакамъ въ «Маріи Стюартъ» написано подъ вліяніемъ элегіи Калидасы, опровергается тѣмъ фактомъ, что трагедія Шиллера была поставлена въ Веймарѣ еще 17 июня 1800 г.

⁴⁾ Изъ нѣмецкихъ переводовъ лучшіе—стихотворный Макса Мюллера (1847) и прозаическій Пютца (1858). Изящной французской прозой перевелъ Гершо (Le nuage messenger, traduit par A. Guérinot, Paris. 1902).

⁵⁾ V. Smith. Early history of India. 2 (Oxford. 1908), p. 287. Macdonell. l. c. p. 320—5. Pischel. Die altindische Literatur, s. 202 (Die Kultur der Gegenwart I. 2. Berlin-Leipzig 1906). Collins. The geographical data of the Raghuvansa and Dasakumaracarita. (Leipzig, 1907) p. 48.

Царствованіи Ашоки Великаго (272—232 до Р. Х.), христианскаго Константина Великаго или вѣриѣ апостола славнѣйшаго представителя династіи Маурья, основанной вѣсть Чандрагуптой (Σανδρόκυπτος), ²⁾ современникомъ Александонскаго, прекратившейся въ 184 до Р. Х., эпоха диктатора (IV—VI в. по Р. Х.), снова объединившей значительную часть Индостана подъ властью того же царства Магадха, оставившей столицей Паталипутрой (Παλιβοῦρα, нынѣ Патна), Чандрагупта Маурья въ 302 г. принималъ грека Мегасфена въ гависла отъ Селевка Никатора, эта эпоха, слывшая въ напреданіи подъ именемъ «золотого вѣка царя Викрамадити», эпохою самой блестящей въ исторіи индійской литературы, о которой имѣются къ счастью и драгоценныя китайскаго пилигрима, буддиста Фа-Хіена, пробывшаго отъ 405—411 г. по Р. Х. Если обширныя территоріальныя, поэтическое отраженіе которыхъ усматривается въ IV вѣка Калидасы «Raghu-vamśa» (Родъ Рагху, Династія вѣдь), прославили второго монарха этой династіи Самудра- (36—375), то культурный расцвѣтъ и золотой вѣкъ санскритской литературы совпадаютъ съ царствованіемъ его сына Самудры II, носившаго также почетный титулъ Викрамадити (Солнце отваги), адоптированный этой фамиліей Augustus у римскихъ императоровъ. Его резиденціей кромѣ Патна была также и древняя столица «солнечной династіи Удья», Айодхья (нынѣ провинція Удхъ на мѣстѣ древнихъ Алахабада), реставрація которой поэтически изображена въ XVI вѣка Рагху-ванши ³⁾, а также и Уджаини (Οζήνη) въ бывшемъ Чалава (нынѣ Уджейнъ во владѣньяхъ махараджи гваліор-ской), послѣднюю, эту «Флоренцію индійскаго Ренессанса» прославилъ Калидаса въ «Мегхадутѣ» (I, 27—40), и знаменитый Дан-

²⁾ Smith. I. c. p. 177—8.

³⁾ Царствованіе Чандрагупты-Маурья, взошедшаго на престолъ послѣ произведеннаго переворота еще совѣтъ молодымъ человекомъ лѣтъ 22, относится 22—2 г. до Р. Х. (Smith. I. c. p. 115—137). Поэтическое отраженіе этого «представленія» имѣетъ драма Вишиякхадатты «Мудра-Ракшаса» написанная въ VI вѣкѣ спустя.

Эта пѣсьнъ артистически передана въ переводѣ А. Graf von Schack. Stimmen aus dem Osten. v. 126—137. «Kuşa's Heimkehr» (Stuttgart. 1877).

динъ (VI в. по Р. Х.) въ своемъ романѣ «Похожденія великаго принцевъ», и неизвѣстный авторъ (быть можетъ тотъ же Дандинъ) драмы «Глиняная телѣжка», извѣстной въ сценической обработкѣ для европейскихъ театровъ подъ именемъ главной героини пьесы «идеальной гетеры» Васантасены¹⁾.

Литературная слава «вѣка Викрамадити» не потускнѣла отъ того, что пришлось отрѣшиться отъ выставленной Максомъ Мюллеромъ лѣтъ 30 тому назадъ эффектной теоріи «Индійскаго возрожденія» въ VI—VII в. по Р. Х., рисующагося теперь совсѣмъ инымъ видѣ: дѣло въ томъ, что предположенная М. Мюллеромъ варваризація и огромная брешь въ санскритской литературѣ предшествующихъ столѣтій, особенно во время нашествій скивовъ (Сакъ) и т. наз. Кушанскаго царства въ сѣверной Индіи, опровергаются все болѣе и болѣе новыми находками. Еще въ 1892 г. Сильвестръ Леви открылъ санскритскую поэму «Жизнь Будды» (*Buddhacarita*) знаменитаго буддистскаго поэта и ученаго Ашвагхоши, современника кушанскаго царя Канишки (*Каньгши*), царствовавшего въ I—II в. по Р. Х. (его резиденціей былъ нынѣшній Пешаваръ). Эта поэма, доступная теперь и русской публикѣ благодаря цѣнному переводу Бальмонта, представляетъ собою образецъ высокой степени развитія искусственнаго эпоса и является соединительнымъ звеномъ между «Рамаяной» Вальмики³⁾ и творчествомъ Калидасы. А недавнія находки рукописей въ Турфанѣ, въ средней Азій, обогатили фрагментами буддистской драмы того же Ашвагхоши «Шарипутра-пракарана»⁴⁾, свидѣтельствующими о законченной формѣ драмы съ ея чело-

¹⁾ См. введеніе къ нѣмецкому переводу этого романа, I. I. Meyer (Leipzig, Lotus Verlag, 1902) и мою статью «Дандинъ и его романъ» (Зап. Харьк. Унив. 1898. Gavronski. Sprachliche Untersuchungen über das Mrechakatika und das Dasakumaracaritam. (Leipzig. 1907).

²⁾ Winternitz. Geschichte der indischen Literatur. II, 1. s. 201—212. (Leipzig, 1913). Pischel l. c., s. 200. С. Леви въ предисловіи (на русскомъ языкѣ къ переводу К. Бальмонта (Асвагоша «Жизнь Будды». Москва 1913). Nandargikar. въ «Preface» къ своимъ изданіямъ «Мегхадути» (Бомбей 1894) и «Рахуваншинъ» (Пуна, 1897). Вѣковойный Кауэль (Cowell), первый издатель и переводчикъ «Buddhacarita» (Oxford, 1893) называлъ Ашвагхошу индійскимъ Эвниемъ, а Калидасу—Вергилиемъ.

³⁾ Winternitz. G. d. i. Lit. I, s. 440: es ist wahrscheinlich, dass das Ramayana im 4 oder 5 jhr. v. Chr. von Valmiki unter Benutzung alter Akhyanas gedichtet ist. cf. Pischel l. c. s. 200. V. Henry. Les litteratures de l'Inde (Paris, 1904) p. 161—2.

⁴⁾ Liders. Das Sariputrprakarana, ein drama des Asv. (Berlin, 1911).

эпосы и стиховъ, санскрита и пракритовъ. Можно надѣяться, что ближайшее будущее раскроетъ и другія промежуточные звенья от Гоши до Калидасы, и имена предшественниковъ (Бхасы, Кавипутра), упоминаемыхъ авторомъ «Сакунталы» въ начале первой пьесы, комедіи «Малавика и Агнимитра»¹⁾ быть лишь пустымъ звукомъ такъ же, какъ было раньше открытіемъ цейлонскаго ученаго Дхармарамы одинъ изъ послѣдователей Калидасы, поэтъ Кумарадаса, авторъ «*Bhāṇakī-nāṭya*» (похищеніе дочери Джанаки т. е. Ситы, или Рамы)²⁾. Но вслѣдъ за блестящимъ вѣкомъ Викрамадитьи и его преемникахъ Кумара-Гуптѣ (413—455) и Сканда-Гуптѣ (455—480) нахлынули первыя волны новаго нашествія варварскихъ завоевателей, устремившихся изъ средней Азіи черезъ Афганистанъ въ Индію нѣсколько позже, чѣмъ въ Европу: Гунны, имя которыхъ (*Hūna*) встрѣчается одинъ разъ и у Калиды³⁾, вѣрнѣе тѣ гунскія орды, которыя остались въ Азіи («бѣлые гунны», эфталиты) временно осѣвъ на равнинахъ (Дарья) и затѣмъ почти цѣлое столѣтіе (455—540) принося ужасъ и временно захватывали сѣвер. Индостанъ и дали орудійскихъ Атилъ: Торамана и Михирагула («Голласъ» или Космы Индикоплефста, византійскаго монаха VI вѣка). Никогда до этой мрачной эпохи, при династіи Гупта, не было такъ стравленіе брахманизма, успѣвшаго видоизмѣниться, окрѣп-

Дхарма. Зачѣмъ же, отложивъ въ сторону творенія Бхасы, Саумиллы и показывать такое предпочтеніе творенію современнаго поэта Калидасы?

Дхарма театра. О какое безразсудное сужденіе! Послушай:

всѣмъ знаетъ хорошо, что старо,	Неглушій разобратся въ нихъ сумѣетъ,
и слышитъ всѣ новыя поэты.	И лишь глупецъ чужому мнѣнію вѣритъ.

Вѣрнѣе, имя Бхасы уже перестало быть «пустымъ звукомъ»: только что французскій переводъ его драмы «Васавадатта» (*Le théâtre indien avant le VIe siècle*, A. Baston, avec une préface de S. Levy. Paris. 1914). Индійскій паншати Шастри отыскалъ въ Траванкорѣ рукописи 11 драмъ Бхасы и почти полное ихъ текста въ Trivandrum Sanscrit Series. Bhāsa's Works.

Радхарика. Kamāradāsa and his place in sanscrit literature (Poona, 1908).

В. Вейсманн. Übereinstimmungen in Gedanken, Vergleichen und Wendungen bei den indischen Dichtern von Valmiki bis auf Magha (Leipzig 1905) s. 4, 24, 32—3.

Коллинзъ. IV, 68 въ описаніи странъ и народовъ покоренныхъ Рагу, при которомъ образомъ прославляется Самудра-Гупта (*Collins*, I. c. s. 48):

Улыбавшихъ женщинъ на щекахъ поблѣвъ румянцевъ отъ побѣдъ,

Чинилъ мужьями ихъ своей отвагой Рагу одержавъ.

нута и приспособиться къ борьбѣ съ буддизмомъ, который окончательно одолеваетъ на родинѣ въ послѣдующіе вѣка. Къ той же эпохѣ относятся и древнѣйшія Пураны ¹⁾, закрѣпившія эту реставрацію и давшія Индіи, хотя бы въ самомъ мифически-фантастическомъ обликѣ нѣкоторое подобіе ея древней исторіи, откуда произошла данная и тогдашняя «беллетристика»: родословная Солнечной династіи въ «Рагху-Ваншѣ» основана на данныхъ «Вишну-Пураны». О внѣшнихъ условіяхъ жизни, обстановкѣ, нравахъ и изощреніи культурѣ индійскаго «высшаго общества» того времени достаточно свидѣлствуютъ изысканность и утонченность литературнаго стиля и формъ, имѣвшихъ уже тогда цѣлую плеяду своихъ теоретиковъ и критиковъ; старѣйшимъ изъ нихъ, дошедшимъ до насъ и авторитетнымъ до сей поры въ Индіи, является трактатъ Дандина «Зеркало поэзіи» ²⁾. А для еще большей наглядности любопытно познаться съ характеристикой образованнаго «горожанина» (pāgarika) т. е. свѣтскаго фронта изъ «золотой молодежи», данной въ подлинномъ «Ars amandi» (Kāmasūtra т. е. любовное руководство) Ватсаны, какъ разъ подходящей для этой эпохи и литературы ³⁾.

¹⁾ Winternitz. l. c, I, s. 440 fg. Smith l. c. p. 19, 288. Pischel. l. c. s. 13.

²⁾ „Зеркало поэзіи“ (Kāvyaadarṣa) Дандина до сихъ поръ пользуется въ Индіи огромнымъ авторитетомъ. Краткій анализъ его есть въ моей статьѣ о Дандинѣ, а также О. Щербатской „Теорія поэзіи въ Индіи“ (Ж. М. Нар. Пр. 1902), въ которой интересный разборъ и позднѣйшей теоріи о „поэтическомъ намека“ (dhvani) формулированной въ X в. Анандавардханой. Обширное и превосходное изслѣдованіе Regnaud. La rhétorique sanscrite (Paris, 1884) содержитъ сравнительный анализъ индійской и греческой поэтики.

³⁾ „Запасшись познаніями и устроивъ свой домъ на деньги добытыя подарками, побѣдами, торговлей, платежами, либо полученными въ наслѣдство или же тѣмъ и другими путями виѣсть, надо начать жизнь свѣтскаго человѣка (pāgarika). Онъ долженъ жить въ столицѣ, большомъ городѣ, городѣ или мѣстечкѣ, гдѣ есть отличные люди, либо въ иномъ мѣстѣ соответственно роду занятій. Тамъ по близости отъ воды онъ постройтъ себѣ домъ съ садомъ, обширнымъ дворомъ для работъ и другихъ значительными. Въ наружной опочивальнѣ должна стоять мягкая постель съ подушками въ обоихъ концахъ и вогнутая по срединѣ, съ бѣлымъ одѣяломъ, а вблизи нея другое ложе. У изголовья—мѣстечко для травяной подстилки и скамья для жертвоприношеній. Тамъ пусть лежать оставшіяся послѣ ночи притиранія и вѣлки, корзинки съ варенымъ рисомъ, сосудъ съ ароматами, лимонная корка и бетель, а на посплевательница. На гвоздикѣ висить лютия; мольбертъ, ящикъ съ красками, или нѣбудь книжка; вѣлки изъ желтаго амаранта; неподалеку на полу—ложе изъ соломы, чтобы преклонить голову; доска для игры въ кости. Снаружи калѣтка съ ручками для птицъ; въ уединеніи мѣстечко для стоярныхъ и разныхъ работъ и другихъ вещей. Въ саду, въ тѣни, качели съ мягкой подушкой, а на землѣ скамья, усыпанная со-

имѣется много данныхъ для обрисовки этой эпохи Калидасы, возстановленія его біографіи нѣтъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ легендарныхъ анекдотовъ¹⁾. Можно лишь заключить, что онъ шивантомъ, какъ по его имени (Kâli-dâsa т. е. рабъ бо-
жи, суруги Шивы), такъ и по его произведеніямъ, сви-
дѣствующимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и объ основательномъ знакомствѣ
съ панипадами и философскими ученіями Санкхья и Юга²⁾.
Возмо его авторство лишь для шести произведеній, трехъ
и трехъ поэмъ³⁾. Несомнѣнно первая по времени изъ драмъ
и свободная отъ фантастики комедія «Малавика и Агнимитра»
и не безъ граціи и юмора живо, но «стилизуя» согласно
теоретическихъ трактатовъ, картину придворныхъ интригъ
и похожденій царя Агнимитры, сына Пушьямитры изъ
Шюнга, царствовавшей въ Видишѣ (нынѣ Бхильса) во II в.
Въ этой комедіи мы видимъ и вполне мирное и друже-
любное сосуществованіе брахманизма и буддизма: при дворѣ царя,
котораго совершаетъ великій брахманическій обрядъ «жертво-
ванія коня»⁴⁾, играетъ важную роль буддистская монахиня.
Если первая комедія Калидасы имѣетъ реальную основу
и сюжетъ, то посаждающія драмы, его шедевръ «Сакун-

Твое устройство его жилья". (Das Kâmasûtre des Vâtsyâyana, die indische
aus dem sanscrit übersetzt und herausgegeben von R. Schmidt I, cap. 4.
Elegant). Дальше перечисляются его „занятія“ (s. 62—64: послѣ обѣда
тупетомъ—веселыя развлечения, вечеромъ—музичированье, за-
вѣдываніе свиданія и т. д., пирушки, посѣщеніе садовъ, въ опредѣленные дни—
храмъ богини красноты (т. е. въ „Литературномъ клубѣ“!), спектакли,
и въ домахъ гетеръ или людей своего круга, причемъ „происходить
и вслѣдъ за счетъ поэмъ и искусствъ“ (s. 68).

H. H. H. Die Literatur des alten Indien (Stuttgart-Berlin. 1903) s. 216—17.
théâtre indien (Paris 1890) p. 165—6. Jackson, Notes from India (J. o.
1902).

W. W. W. I. c., s. 33.

Въ поэма „Ritusamhâra“ (Циклъ временъ года) по мнѣнію большинства изслѣ-
дователей принадлежитъ Калидасу, хотя традиція и приписываетъ ему эти „ин-
трижки“, какъ называлъ ее Анри (V. Henry) въ своемъ коротенькомъ, но
и анализъ ея (Les littératures de l'Inde, p. 217—8).

Въ знаменитый, зародившійся еще въ ведавическую эпоху обрядъ „жертво-
ванія коня“ (ayamedha) совершавшійся особенно могущественными царями для
его возвеличенія, былъ воскрешаемъ и въ болѣ позднія времена: въ II в. до
и Пушьямитры и въ IV—V в. Р. X. при Самудра-Гуптѣ и Кумара-Гуптѣ I.

тала»¹⁾, и по обилію музыкально-вокальнаго элемента скорѣе похожая на оперу «Урваши» (С. Леви считаетъ ее послѣдней времени и видитъ въ ней слѣды упадка творчества, а Пинс усматриваетъ въ ней большой шагъ впередъ, подготовившій «Сакунталу»), витають обѣ въ области легенды, мифа и фантастики, окрашенной вдобавокъ тѣми нѣжными, мягкими, человѣчными чертами, которыя такъ плѣнительны въ творчествѣ Калидасы и вызываютъ ставшее уже избитымъ сравненіе его съ Рафаэлемъ и Мопартомъ.

Древнѣйшая версія легенды о Сакунталѣ, юной прелестной отшельницѣ, плѣнившей славнаго царя Душянту, прошедшей черезъ тяжкое испытаніе, потомъ соединившейся съ несправедливо отвергнутымъ ее супругомъ—все по волѣ судьбы—и даровавшей ему сына, концевъ, сына Бхарату, основателя «Лунной династіи» въ Хастинпурѣ (нынѣ Дели), имѣется въ «Махабхаратѣ». Превосходная «баллада», въ формѣ діалога между нимфой Урваши и царемъ Пуруравасъ имѣется еще въ Ригъ-Ведѣ (X, 95)²⁾; возможно, что и тогда она уже была драматизирована; самая же эта сага о долголѣтней любви между двумя существами, принадлежащими къ разнымъ сферамъ, низшей и высшей, смертной и бессмертной, имѣетъ о себѣ цѣлую литературу, сближается даже съ сагой «Лоэнгрина»³⁾. Вообще индійская драма, сразу заинтересовавшая Европу, стала предметомъ разносторонняго изслѣдованія, а превосходная книга С. Леви «Le théâtre indien» (Paris, 1890) останется навсегда классической по богатству матеріала, яркости изложенія и тонкому анализу. Подыскивая явленія болѣе сходныя съ инд-

¹⁾ Транскрипція имени „Сакунтала“ вмѣсто болѣе точной „Шякунтала“ (Сакунтала) слишкомъ уже укоренилась. Эпизодъ изъ „Махабхараты“ переведенъ графомъ фонъ-Шаккъ (Die Stimmen des Ganges, s. 32—55). Небольшая поэма Фета „Сакунтала“ не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени, со всеми индійскими версіями.

²⁾ Превосходный и обстоятельный разборъ этого гимна далъ проф. К. Гельднеръ (Vedische Studien, I, также Rigveda in Auswahl, II, II). Очень интересенъ также разборъ гимна у проф. Л. фонъ-Шпрёдера (Mysterium und Mimik im Rigveda, Leipzig 1908, s. 232—274). Послѣдній по времени и очень цѣнный переводъ этого гимна см. A. Hillebrandt, Lieder des Rigveda, s. 142—5. (Göttingen-Leipzig, 1913. Quellen der Religions-Geschichte. Gruppe 7. Indien). На „оперный элементъ“ въ драмѣ „Урваши“ указывалъ еще Фетисъ (Histoire generale de la musique. II, p. 327—Paris, 1869).

³⁾ L. v. Schröder. Die Vollendung des arischen Mysteriums in Bayreuth (München 1911) s. 147—74 („Schwanenelbenmysterium und Lohengrin“).

патромъ въ области европейскаго, скорѣе всего можно найти чуждыя черты въ XVII в. во французскомъ жанрѣ «Style 1), а также въ пышныхъ красотахъ испанской драмы въѣлка. Небезынтересно отмѣтить кстати, что знакомство съ Калидасы, много разъ переведенными на главные европейскіе языки, настолько распространилось, что всѣ три вдохновили нѣкоторыхъ композиторовъ: имѣются двѣ нѣмецкихъ оперы «Мала-Индия» Гартнера и «Урваши» Кинцля, французскій балетъ «Саломея» Рейе (по сценаріуму Теофиля Готье) и концертная увертюра «Калидасы» Гольдмарка.

Видно не такъ доступны европейскому вкусу савскритскія (Kâvya) той же эпохи, жанръ, въ которомъ Калидаса, по мнѣнью, прославился не меньше, чѣмъ въ драмѣ. Чтобы оцѣнить искусство и виртуозную изощренность формы, стихословъ, подбора словъ, стилистическихъ «украшеній» здѣсь уже только знакомство съ подлинникомъ «Рагху-ванши» и «Кумара-сангитъ», поддающихся лишь частичному переводу. И только «Сакунтала» и по размѣрамъ, и по формѣ, еще по замѣчанію «не заключающій въ себѣ идей недоступныхъ безъ затрудненій европейскому уму» является счастливымъ исключеніемъ и ставитъ поставленъ, какъ другой шедевръ, наряду съ «Сакунтой». Ею сближаетъ съ нею еще и насыщенность чутъемъ красоты, чары которой индійскій поэтъ умѣлъ тонко чувствовать и изображать за много вѣковъ раньше, чѣмъ его европейскіе собратья²⁾. Первой по времени изъ трехъ поэмъ (Kâvya) мы вѣрнѣе всего считать вслѣдъ за Писелемъ «Raghuvamśa» (около 3000 стиховъ), составленную въ эпическо-панегирическомъ стилѣ легендарную хронику «Солнечной династіи» Рагху.

Герднеръ въ предисловіи къ своему переводу „Сакунталы“ (Paris. 1884): „Il n'aurait pas été trop dépaycé à l'hôtel de Rambouillet. Il en a les qualités: l'élégance, la noblesse et parfois l'emphase, la délicatesse et surtout la précision. Les érudits des dernières années de la dernière révolution française ont été intéressés par les mots de Lamartine (Cronique de littérature, Entretien V) о „Сакунталь“: „un chef d'oeuvre de poésie épique et dramatique, qui réunit dans une seule action ce qu'il y a de plus grand dans la Bible, de plus pathétique dans Eschyle, de plus tendre dans Racine“. Герднеръ „Сакунталу“ какъ драму, занимался еще Герднеръ (Ueber ein morgenländisches Drama. Einige Briefe).

к. красиво сдланныю характеристику Калидасы у Густава Мейера. (*Essai d'étude* (Strassburg, 1893), II, s. 97—106).

к. красиво сдланныю характеристику Калидасы у Густава Мейера. (*Essai d'étude* (Strassburg, 1893), II, s. 97—106).

Воспѣвъ послѣдовательно 4 царей (Дилипа, Рагху, Аджа, Ишватху) въ первыхъ девяти, онъ посвящаетъ 6 пѣсень воплощенію Вишну въ образѣ Рамы, давая свою собственную версію событіямъ изложенныхъ въ «Рамаянѣ» Вальмики, удѣляетъ потомкамъ Рамы еще 4 пѣсни и обрываетъ поэму на смерти безумно сладострастнымъ царя Агниварны, погибающаго отъ «царской болѣзни» (rājayakṣmaṇa, т. е. сухотки спинного мозга. Весьма вѣроятно, что эта особенность имѣла также цѣлью прославить иносказательно династію Гупта параллелизмъ походовъ Рагху и Самудрагунты, опозитизированіе реставрація покинутой столицы Айодхьи (XVI пѣснь) и апокалипсическія аватары Рама-Вишну (Чандра-Гупта II Викрамадিতья былъ Вишнута-томъ¹⁾ все это данна въ пользу такого взгляда.

Въ слѣдующей его поэмѣ, мифологическомъ эпосѣ «Kumārasambhava» (Рожденіе Кумары т. е. Сканды, бога войны) считаются безспорно подлинными лишь первыя 7 пѣсень; остальные 10 «заподозрѣнныя» вдобавокъ еще и чрезмѣрно эротичны. Мнѣ давшій сюжетъ этому произведенію, въ которомъ авторъ, по мнѣнію Писеля, уже вышелъ на самостоятельный путь, упоминаетъ и въ «Мегхадутѣ» (I, 43—44, II, 10), къ которому я и перехожу.

¹⁾ Изъ современныхъ критическихъ разборовъ индійскихъ ученыхъ и лекторовъ интересны: *Nandargikar* (по англійски въ предисловіи къ его изданію *Krishnamachariar* (по санскритски) въ его „Raghuvamśa“ (Srirangam, 1911). За отсутствіемъ въ здѣшней университетской библіотекѣ *Journal of the Royal Asiatic Society* и дѣшевъ возможности воспользоваться статьями *Manmohan Chakravarti* (1903—4) о которыхъ говорятъ *Collins* (I. c., p. 48) и *Smith*. (I. c. p. 288).

²⁾ *Smith*. I. c. p. 277.

³⁾ *Macdonell*. I. c. p. 326—8. *Pischel* I. c. s. 201. Недавно изданъ очень стильно сдѣланный нѣмецкій переводъ прозой. O. Walter. *Der Kumārasambhava oder die Geburt des Kriegesgottes, ein Kunstgedicht des Kālidāsa*. Leipzig, 1913. Въ немъ вошли лишь первыя 8 „заподозрѣнныя“ пѣсни.

⁴⁾ Кромѣ страницъ посвященныхъ „Мегхадутѣ“ въ вышеприведенныхъ работахъ Писеля, Ольденберга, Анри, Макдоналла, въ предисловіяхъ и примечаніяхъ къ переводамъ Уильсона, Шютца, М. Мюллера, Герино и Нандарджикара, очень изысканно и цѣнно: *Rangacharya*. A critical appreciation of Kalidasa's Meghasandhāna (Madras, 1910).—Въ южной Индіи поэма известна болѣе подъ именемъ „Meghasandhāna“ (Обращеніе къ облаку, порученіе облаку).—Мой переводъ сдѣланъ по текстъ бомбейскаго изданія (Godbole and Parab) съ комментариемъ знаменитаго Маданмодхы (XV вѣкъ), которому я слѣдую и въ нумераціи отдѣльныхъ стансовъ. Я пользовался также изданіями текста Гильдемейстера (1841) и Штенцлера (1874), а также работой *Beckh*. Ein Beitrag zur Textkritik von K.'s Meghadūta (Berlin, 1907), а также тибетскій переводъ поэмы (XI—XIV вв.) съ разночтеніями различныхъ индійскихъ и европейскихъ изданій санскритаго оригинала.

Этот этой небольшой поэмы, которую впервые, кажется, Шеллер очень удачно называлъ элегійей, незатѣйливо и удивительно гармонируетъ съ планомъ и «тональностью» настроенія поэмы. Одинъ изъ геніевъ-полубоговъ, насѣляющихъ волшебное божество Куверы, владыки богатствъ, «Царя царей» обитавшій въ своей дивной легендарной резиденціи Алакѣ близъ вершинъ Гималая, одинъ изъ сонма этихъ чудесныхъ существъ носившихъ въ индійской мифологіи имя Якшей (yaksha), наказанъ за какой-то проступокъ изгнанъ на одинъ годъ въ разлукѣ и тоскуя по своей супругѣ покинутой противъ себя несчастный Якша обращается къ облаку, направляющему юга на сѣверъ передъ наступленіемъ дождливаго времени умоляетъ его взять на себя роль вѣстника и передать тѣмъ супругѣ, страдающей въ одиночествѣ, утѣшить ее и тѣмъ самымъ помочь ей дожидаться свиданья съ супругомъ. Кончаніи срока изгнанья, истекающаго осенью послѣ дождей. Описаніе пути, затѣмъ сказочнаго царства Куверы и самаго Якши въ сочетаніи съ постоянными намеками и аллюзиями, заимствованными изъ мифовъ и легендъ, даетъ обильный матеріалъ поэтической живописи Калидасы, который нанизываетъ за другою, словно драгоценное ожерелье, отдѣльныя картины, представляющія изъ себя каждая въ отдѣльности законченную отшлифованную миниатюру, создавая изъ этихъ пестрыхъ разноцвѣтныхъ камней роскошную мозаичную картину. Воспрониманіе душевнаго состоянія такого мифическаго существа, какъ изгнаннаго самой судьбой лишь для радостей любви и страсти и переживающаго роковымъ образомъ трагедію разлуки, становится поводомъ для лирико-патетическихъ изліяній показавшаго устами царя Агнимитры ¹⁾ слѣдующее положеніе:

«... союзъ межъ влюбленнымъ страстно и безстрастнымъ совершившемся, въ немъ нѣтъ блаженства для меня!
 Лучше смерть тѣхъ двухъ, кому ужъ нѣтъ надеждъ,
 чѣмъ въ комъ огонь любви пылаетъ съ равной силой!

¹⁾ «Малавика и Агнимитра» д. III, ст. 15, слова царя Агнимитры еще не достигши обладанія красавицей Малавикой, появившейся пѣвицей въ числѣ развѣщающихъ главной царицы Дхарини, которая всячески препятствуетъ соединенію четы. Потому пѣвица оказывается принцессой и можетъ сдѣлать законною «законной» супругой Агнимитры и «третьей» царицей.

Характерную черту въ теоретическомъ ученіи объ индійской поэзіи, какъ бы соотвѣтствующую европейски - общепринятому понятію объ «эстетическомъ наслажденіи», составляетъ терминъ *раса* (*rasa*), буквально *вкусъ* т. е. то преобладающее чувство, которое проникаетъ собою данное произведеніе или отдѣльную часть его и заставляетъ читателя-слушателя испытать, пережить, «*вкусить*» соотвѣтствующее ощущеніе. Въ соотвѣтствіи съ 8 главными «основными» чувствами различается и 8 «вкусовъ» *раса*: любовный (*ṣṛṅgāra*), комическій (*hāsyā*), жалостный, патетическій (*karuṇā*), ужасный, трагическій (*raudra*), героическій (*vīrya*), страшный (*bhayānaka*), отталкивающий (*bibhatsa*), чудесный, удивительный (*adbhūta*) соотвѣтствующие восьми основнымъ чувствамъ, аффектамъ (*bhāva*): любовь (*rati*), смѣхъ (*hāsa*), печаль (*śoka*) гнѣвъ (*krodha*), отвага (*vīrya*), страхъ (*bhaya*) отвращеніе (*jugupsā*), очарованіе, удивленіе (*vismaya*). Конечно, доминирующимъ для «Облика-героика» будетъ «раса» любовный. Но и въ «любовномъ вкусѣ» индусы дѣлають еще подраздѣленье, такъ сказать, мажорное и минорное: «любовь въ наслажденіи» (*sambhoga-ṣṛṅgāra*) и «любовь въ разлукѣ» (*vīpralambha-ṣṛṅgāra*). Индусы были великими мастерами въ изображеніи и смакованіи «любовной тоски» и ихъ поэтизація разлуки роднится въ сущности со «страстнымъ томленіемъ» (*Sehnsucht*) германскаго романтизма. Индусы и теперь особенно любятъ въ Шекспирѣ «Ромео и Джульетту» и конечно оцѣнятъ когда узнають «Тристана и Изольду» Вагнера. Въъ слова Джульетты: «не зная, слишкомъ рано увидала, и слишкомъ поздно я его узнала!» (*Too early seen unknown and known too late*) и Изольды: «Мною избранъ, мной утерянъ!» (*Mir erkoren, mir verloren*) можно назвать квинтъ-эссенціей индійскаго «*vīpralambha-rasa*»¹⁾.

Современный индійскій критикъ Рангачарья²⁾, разбираая съ большимъ тактомъ и тонкимъ чутьемъ элегію Калидасы и отыскавъ всю напряженность страсти ее героя, проникнутой однако же и само-

1) Индусы тѣмъ болѣе могутъ „вкусить“ прелесть поэзіи „Тристана“, что самая музыка Вагнера изъ всѣхъ европейскихъ композиторовъ имъ приходится особенно по душѣ, какъ подтверждаетъ въ своемъ только что вышедшемъ капитальномъ изслѣдованіи Стрэнгуэзъ. (*Strangways. Music of Hindostan. Oxford. 1914. p. 426*). Hindus have said to me more than once that they like Wagner best of our time.

2) *Rangacharya* I. c. p. 20—31, 89—92.

ради спасенья и поддержанія жизни любимаго существа, что это «самозабвенъе въ любви» (the pathos of self-love) и есть основной ея «раса». Можетъ ли европейскій «искусить» поэзію «Облака-вѣстника» въ этомъ смыслѣ? Мнѣ кажется, что можетъ, хотя, конечно, причины и условія того, что мы принимаемъ обыкновенно «эстетическимъ наслажденіемъ» часто несомненно субъективны, что удобнѣе было бы и здѣсь при помощи индійскаго объясненія и привести лишь стихъ Калидасы (Сакунтала, V, 2):

Когда любуюсь прелестью, или внемля чуднымъ звукамъ,
 бываю въ счастья вдругъ тоской охваченъ человекъ,
 то безсознательно его душа припоминаетъ
 привязанностей въ прежнихъ воплощеняхъ прочный слѣдъ.

П. Риттеръ.

II.

Облако-вѣстникъ (Meghadûta).

Древне-индійская элегія Калидасы.

(Переводъ съ санскритскаго съ примѣчаніями).

I часть (pûrvamegha).

1.

Отторгнутый отъ милой гнѣвнымъ приговоромъ властелина,
На годъ изгнанья обреченный за проступокъ, падшій Якша
Въ пріютъ тѣнистый средь лѣсовъ на Рама-гири удалился,
Близъ водъ прозрачныхъ, дщерью Джанаки купаньемъ освященнымъ.

Вся поэма написана стансами, по 4 строчки въ каждой, одинакъ и тѣтъ ихъ мѣромъ *mandâkrânta*, характеръ и темпъ котораго можно буквально перевести терминомъ нашей музыкальной агогки: *lento andante*. Каждая строчка состоитъ изъ 17 слоговъ съ цезурой послѣ 4-го или 10-го:

1. Рамагири - гора Рамы, вѣроятно нынѣшній Рамтекъ къ сѣв. отъ Нагпура. Центр. провинціи, одно изъ многихъ легендарныхъ «убѣжищъ Рамы», послѣднихъ героемъ «Рамаяны» во время его 14-лѣтняго изгнанія, раздѣленнаго съ нимъ женою Ситой, дочерью Джанаки, царя Видехійскаго. Когда она была похищена чужимъ великаномъ Раваной (ср. I, 31 с, 58) на сказочный островъ Ланка. Рамъ освободилъ ее лишь съ помощью обезьяняго войска и рыцарственнаго героя — обезьяна Ханумана (ср. II, 37). Въ Индіи отъ древнихъ временъ и до сихъ поръ она является воплощеніемъ идеала женской вѣрности и любви.

Властелинъ т. е. Кувера, царь Якшей, богъ богатства; другой его званіе Царь царей (ср. I, 3).

2.

...милый на горѣ проведши больше полугода
...иши съ исхудалыхъ рукъ запястья золотыя,
...какъ-то лѣтомъ облако, прильнувшее къ вершинѣ
...снѣ, когда согнувшись хочетъ нанести ударъ пригорку.

3.

...простоялъ предъ нимъ слуга Царя царей въ раздумьи,
...лезы, весь охваченный глубокою тоскою.
...облака тревогу ощущаютъ и счастливыцы
...ѣе изгнанникъ, жаждущій обнять свою подругу!

4.

...ажь осень; чтобъ придать своей супругѣ жизни силы
...притить облако объ участи своей ей вѣсть доставить.
...почтивъ его цвѣтами свѣжими, какъ подношеньемъ,
...монгъ ласково о ласковомъ супруги утѣшени.

5.

...созданье свѣта, воздуха, воды и пара,
...звѣть вѣстникомъ служить и передать живое слово?
...думалъ, вѣрно, Якша, весь охваченный тоскою:
...данья отымають вѣдь способность къ разсужденью.

Возомъ именно въ первый день мѣсяца *ашадха* (іюнь ст. стили), пред-
...мѣсяцу *набхаса* или *шравана* (іюль), начинающему дождливое время
...Индусы еще въ древности установили дѣленіе года на 6 сезоновъ, по
...каждомъ: *тришма* (лѣто), *варша* (дожди), *шярадъ* (осень), *хеманта* (зима),
...вѣсная весна), *васанта* (весна). ср. II, 2.

Хура и потеря браслетовъ, козлецъ и т. п. у разлученныхъ любовниковъ одинъ
...большинныхъ симптомовъ, ср. «Сакунтала», т. III ст. 10, слова царя Душянты:

Отъ внутреннего жара жаркія текутъ ночью слезы
Изъ глазъ прикрытыхъ пальцами, а на рукахъ тускнѣетъ жемчугъ.
Хоть лука тетивы рукою исхудалой не касаюсь,
Запястья золотыя все скользятъ, скользятъ... я ихъ теряю!

Періодъ дождей считается наиболѣе томительнымъ для разлученныхъ (ср. I,
...12-й строки весьма вѣроятнѣй вариантъ непринятый Маллинатхой, но под-
...тибетскимъ переводомъ (см. Beckh, Ein Beitrag, s. 11):

Всклестувъ отъ запаха цвѣтущихъ *кетакъ*, глотая слезы...

Кетакъ (*Pandanus odoratissimus* (ср. I, 23) см. Roxburg (Flora indica. Calcutta,
...т. I): «его бѣлые лепестки распространяють чудесный запахъ, всеми при-
...заннымъ, самый роскошный и сильный изъ всѣхъ ароматовъ на свѣтѣ».

6.

— О ты, потомокъ славный знаменитыхъ облаковъ Пушкара!
Любимецъ Индры! знаю, обликъ свой мѣняешь, какъ желаешь.
Судьба велитъ: къ тебѣ я съ просьбой прибѣгаю. Боль отказавъ
Отказъ твой будетъ мнѣ почетнѣй, чѣмъ отъ низкаго услуга.

7.

Прибѣжице несчастныхъ, Облако! Доставь моей подругѣ
Извѣстье обо мнѣ, проклятьемъ властелина разлученномъ,
Въ столицу Якшей прилетѣвъ, въ Алаку, гдѣ дворцы сверкаютъ,
Когда изъ роцъ самъ Шива мѣсяцемъ съ чела ихъ озаряетъ.

8.

И на тебя, когда помчишься ты своимъ путемъ воздушнымъ,
Надѣясь и вздыхая взглянуть жены путниковъ далекихъ.
Заслышавъ голосъ твой, кто сможетъ въ ласкахъ отказать супругѣ
Лишь я, изгнанныкъ бѣдный, вынужденъ проклятьемъ властелина

9.

И тихо, тихо, пусть тебя качаетъ вѣтерокъ пріятный,
И нѣжнымъ пѣньемъ провожаетъ чатака, твой другъ крылатый
И журавли, обвивъ кольцомъ тебя сулящаго потомство,
Усладу ихъ очей, сопровождать летящаго въ пространство.

6. *Пушкара*. Мифическая разновидность облаковъ покоящихся въ Гималаяхъ и долженствующихъ затопить вселенную въ концѣ мірового цикла, находящагося нынѣ въ періодѣ «Кали-юга» начавшемся со времени сраженія Курувдовъ и Пандавовъ въ «Махабхаратѣ» (ср. I, 48, 49), по индійскому лѣтосчисленію за 3102 ч. до Р.-Х. Индра, богъ-громовержецъ, является и повелителемъ облаковъ. Не лежитъ ли въ основѣ индійской классификаціи «облачныхъ фамилій» различіе ихъ по формѣ, цвету и т. п.? ср. *Н. Морозовъ*. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. Гл. III «кое-что о типическихъ формахъ, принимаемыхъ облаками во время осеннихъ грозъ».

Къ морализирующей сентенціи ср. *Кальдеронъ* «Жизнь есть сонъ». Яог. III, еск. 3. слова Росауры:

No tengo que prevenir
Que en un varon singular

Cuanto es noble accion el dar,
Es bajeza el recibir.

7. Богъ Шива (онъ же называется часто «Владыка») очень благоволяетъ къ Куверѣ и часто посѣщаетъ его роцъ близъ Алаки, покинувъ высоты Гималаевъ, въ которыхъ предавался аскетическимъ подвигамъ. Чело Шивы украшено мѣсяцемъ или діадемой, у него три глаза и синяя шея (ст. I, 34).

9. По вѣрованью индусовъ птичка Чатака (*Cuculus melanoleucus*), выводитъ лишь дождевыхъ канли, а журавли плодятся осенью, после дождей.

10.

ты увидишь, наконецъ, ее, супругу брата,
 къ быстрый мой! Она жива и вѣрно дни считаетъ.
 Белекъ цвѣтку, такъ сердцу женщины вѣжному въ разлукѣ,
 лучъ, подавъ опору, ихъ отъ гибели спасаетъ.

11.

въ громъ, твой голосъ сладостный для слуха, что всю землю
 словно зовомъ изъ грибовъ, тотчасъ же за тобою
 полетятъ, по Мана́са далекомъ стосковавшись,
 спишь стеблями лотоса вплоть до горы Кайласа.

12.

и обними горы высокую вершину,
 и чтутъ на склонахъ слѣдъ стопы священной Рагхуида.
 зный годъ, когда возобновляется съ тобой свиданье,
 къ тебѣ горячими слезами проявляетъ.

Якша называетъ себя самого братомъ Облака-вѣстника. Въ драмѣ
 (VIII в. по Р. X.) «Малати и Мадхава», актъ IX, есть сцена и стихи
 слѣдъ подражательности этимъ ближайшимъ стихамъ. Герой драмы
 снученный со своей возлюбленной Малати, тоже обращается къ облаку
 же стихотворномъ размѣрѣ:

Тебя, мой другъ, какъ друга милаго не обнимаетъ молния?

И журавли обычной вѣжности не выражаютъ?

И вѣтерокъ восточный мягкой ласкою не освѣжаетъ?

И Индры лукъ (ст. 1, 15), вездѣ сверкающій, не украшаетъ?

Коль, странствуя свободно въ мірѣ, милую мою ты встрѣтишь,

Утѣшь ее сперва, потомъ повѣдай о судьбѣ Мадхавы.

И да не будетъ этой вѣстью сръзанъ стебелекъ надежды:

И такъ едва-едва онъ держитъ жизнь моей прекрасноокой!

Священное озеро Манаса (нынѣ Манасороваръ) лежитъ за сѣвернымъ
 Мадагаскаръ; изъ него берутъ начало истоки Сѣтледжа и Брахмапутры. Это
 озеро близъ лежащая гора Кайласа (ст. I, 58) необычайно священны для
 и эта мѣстность подробно обследована, описана и изображена у Свена Хен-
 rich Malaya, Entdeckungen und Abenteuer in Tibet, B. II, s. 90—130 (Leip-
 zigs). Какъ извѣстно, самый излюбленный цвѣтокъ въ индѣйской поэ-
 зическомъ значеніи его есть много синонимовъ, но кромѣ того различаются лотосы
 белые, голубые и розовые. R. Schmidt. Beiträge zur
 Indica, Z. D. M. G. 1913. III.

Рагхуидъ т. е. Рама. Облако ороситъ дождемъ гору, а капли росы будутъ

13.

Теперь узнай свой путь: я лучшей укажу, тебя достойный.
Услышь потомъ для слуха уопительный привѣтъ супругѣ.
Когда устанешь, утомленный лишь прильни къ вершинѣ горной
Испей воды рѣчной и отдохнувъ пускайся въ путь проворно!

14.

— «То вѣтеръ хочетъ свести горы вершину» такъ вперивши
Дрожа наивно скажутъ жены Сиддховъ, твой полетъ замѣтивъ.
Покинувъ склонъ покрытый сочнымъ камышомъ, лети на сѣверъ.
Избѣгнувъ на пути нападки хобота слоновъ суровыхъ.

15.

Ты встрѣтишь еочетанье чудное рубиновъ и смаратовъ.
То радуга, дуга надъ муравейникомъ отъ лука Индры.
Твой обликъ синій ею отбѣнится ярче и милѣе,
Какъ смуглый Кришна-пастушокъ хвостомъ блистающимъ паз...

14. Сиддхи—гении, полубоги витающіе въ поднебесьи, отличающіеся чистотой и святостью и обладающіе 8-ю чудесными свойствами, позволяющими имъ достигнуть всего желаемого. По индійской мифологии 4 главныхъ и 4 промежуточныхъ ступеней горизонта поддерживаются 8-ю исполинскими „вселенскими“ слонами (*dig-mṛga*). „сѣверномъ“ изъ нихъ Айравата, любимецъ Индры, см. I. 51, 62. Стихи 3 и 4 — стасмы, по толкованію Маллинатхи представляютъ изъ себя *śleṣha* т. е. омонимическую игру словъ, построенную на томъ, что слово *Nicula* (Ничула) обозначаетъ также и имя какого поэта Ничула, современника и друга Калидасы, а *Dig-naga* — также имя какого жестокого, „литературного критика“.

Покинувъ склонъ, гдѣ жилъ изысканный *Ничула*, лети на сѣверъ.

Избѣгнувъ на пути нападки отъ жестокихъ рукъ *Дигнаговъ*!

15. Дугъ Индры т. е. радуга, олицетворяемая еще въ Ригъ—Ведѣ (X, 10) въ видѣ особаго божества Гандхарва-Вена, видна лишь тогда, когда Индра вступаетъ тетиву, отправляясь на подвиги; она подымается изъ муравейника, гдѣ она таится жить. Для этой ассоціаціи образовъ ср. *Taittirīya-Āraṇyaka*, I, 5, 3-4. Древнихъ индусовъ дуги были очень большого размѣра, такъ что одинъ воинъ упирался въ землю при стрѣльбѣ (*Arjuna* *Yuddhi*, 16).

Кришна, одно изъ воплощеній Вишну, извѣстенъ еще въ „Махабхаратѣ“ особенно по знаменитому эпизоду въ VI книгѣ „Бхагавад-гиты“. Пребываніе Кришны въ видѣ пастушка среди красавицъ-пастушекъ изображено яркими красками въ знаменитой поэмѣ „Гита-говинда“ Джаядевы (XII в. по Р. X.); эту „эротическую пастораль“ индусы истолковываютъ и символически, въ родѣ „Пѣсни Исаака“ Соломона. ср. предисловіе С. Леви къ переводу Куртилье. *Le gita-govinda* poème de Jayadeva, traduit par G. Courtillier. (Paris 1904).

16.

пахарямъ приносишь урожай!»! съ улыбкой простодушной
горя, ихъ жены нѣжно взорами въ тебя вопьются.
и ароматомъ свѣжей пахоты надъ полемъ Мăля,
той путь слегка на западъ, а потомъ лети на сѣверъ.

17.

угвшаго дождемъ лѣсной пожаръ на склонахъ горныхъ,
и скалитъ, вознесетъ высокій Амракута.
и дуга позабыть не можетъ человекъ ничтожный:
и поддержать тебя рѣшится исполинъ тотъ горный?

18.

и вершину смуглой шапкою своей покроешь
и знами, зардѣвшимся золотомъ созрѣвшихъ манго,
и дивная для небожителей картина: словно
и раскрыла грудь. Кругомъ свѣтло, а въ серединѣ тѣмно!

19.

и реками, убѣжищемъ лѣсныхъ дикарокъ, обождавши,
и много влаги, станешь легче и помчавшись дальше
и вѣду близъ Виндхійскихъ горъ: бѣгутъ струи по камнямъ
и, какъ морщинки, что слона узоромъ покрываютъ.

20.

и дождь, отвѣдай волнъ благоухающихъ отъ пота
и разбивающихся въ бѣгъ объ куртины джамбу.
и когда ты полнъ воды, тебя унести не въ силахъ вѣтеръ:
и грокъ тотъ, кто пусть, а вѣсь имѣетъ только полный!

16. Ян-вѣроятно нынѣ мѣстечко Мăляда, къ сѣв. отъ Раттанпура въ провинціи
и жили въ горахъ Мекаль. Эта мѣстность издавна славится своимъ плодо-
и советъ „житницей Индіи“. Murray's Handbook for travellers, 5 edition, s. 85.
17.—18. Манго (дерево, цвѣтъ и сочные ароматичные плоды золотистаго цвѣта)
и реки Amra, отсюда Amra-kuta-манговая вершина, нынѣ Амаркантакъ на
и Виндхійскаго хребта, гдѣ берутъ начало рѣки Нармада или Рева (нынѣ
и впадающая въ Камбѣйскій заливъ) и Сона, притокъ Ганги.

19. Джамбу (*Eugenia glomerata*), кустарникъ съ черными плодами, отъ котораго
получилъ и одно изъ своихъ туземныхъ названій: Джамбу-двипа. Потъ, струя-
и знами слоновъ во время течки и образующій своими струйками прихот-
и считался необычайно ароматичнымъ.

21.

На вѣжныхъ стебелькахъ коричнево-зеленые кадамба
И отпрыски банановъ молодые надъ рѣкой увидѣвъ,
Почуявъ крѣпкій аромать земли среди лѣсныхъ пожарницъ,
Укажутъ серны путь тебѣ, а ты омоешь ихъ струями.

21а.

Увидѣвъ птичекъ чѣтака, ловящихъ капли дождевыя,
Слѣда за длинной вереницей журавлей и ихъ считая,
Заслышавъ громъ, поплотъ тебѣ свои благодаренья Сиддхи,
Вкусивъ объята страстныя супругъ, отъ страха къ нимъ прильнувши

22.

Предвижу я: какъ ни спѣшишь вѣсть обо мнѣ принесть супругъ,
Задержишься ты на горахъ благоухающихъ цвѣтами:
Тебя тамъ встрѣтитъ свѣтлый влажный взоръ и звонкій крикъ павлиновъ,
Не сможешь ты разстаться сразу и безъ промедленья съ ними!

23.

Въ Дашарна прилетишь: цвѣтами кѣтака луговъ ограды
Бѣлѣють, вдоль дорогъ щебечутъ на деревьяхъ птички въ гнѣздахъ,
Лѣсовъ опушки почернѣли отъ плодовъ созрѣвшихъ джамбу.
Навѣрно, тамъ на нѣсколько ужъ дней задержатся фламینی!

24.

Добравшись до столицы ихъ, прославленной вездѣ Видиши,
Ты, какъ любовникъ, утолишь свиданья страстное желанье,
Испивши поцѣлуй Ветравати: она бурлитъ волнами
И хмурится, какъ женщина, заслышавъ громъ надъ берегами.

21. Кадамба-Нипа (*Nuclea orientalis*), ср. II, 2. Кадали (*Musa sapientum*) — бананъ. Варіантъ, допускаемый и Малаинатхой для 2 и 3 строки:

*Увидѣвъ надъ рѣкой, и молодые отпрыски банановъ
Оттуда, крѣпкій аромать земли среди лѣсовъ почуявъ.*

22. Павлинь всегда испытываетъ жажду; когда онъ приветствуетъ приближеніе дождя радостнымъ крикомъ, то глаза его увлажняются слезами.

23—24. Дашарна — нынѣ пров. Бундельхандъ; столица ихъ Видиши (нынѣ Бхильса), гдѣ происходить и дѣйствіе драмы Калидасы «Малавика и Агнискитра». Ветравати (нынѣ Бету), притокъ Джумны.

25.

настановись и отдохни на горкѣ Ничай; тотчасъ
съ тобой она вся содрогнется юными кадамба.
пещерахъ куртизанокъ. ароматъ душисто-пряный
существовъ сладострастья юныхъ горожанъ оставилъ.

26.

силъ лети впередъ, струями освѣживъ бутоны
жасмина, что сады вдоль береговъ рѣки покрыли.
прохлади на мигъ прелестныхъ дѣвъ — цвѣточницъ щечки:
типа потъ рукой всѣ ушки-лотосы измяли.

27.

кои и прійдется уклониться отъ пути на сѣверъ,
пушуй Уджавни съ ея террасами, дворцами.
судьбы разочарованъ, если не поддашься чарамъ
свѣжающихъ, какъ молнии, у прелестныхъ горожанокъ.

28.

иди и встрѣтишь съ поясомъ изъ птицъ кричащихъ надъ волнами:
красавица, она водоворотъ свой выставляетъ.
взвѣкъ ней, ты жажду утолишь: извѣстно, что у женщинъ
ослаблѣвъ любовью, предъ любовникомъ въ любви признанье замѣняетъ.

Горка Ничай т. е. низкая, повидимому возлѣ Бхилъсы. „Содроганье“,
„вызванье дыбомъ“ волосъ на тѣлѣ, одинъ изъ обязательныхъ атрибутовъ
сладострастья у индусовъ. О специфическомъ „ароматѣ“ „изрыгаемомъ“
лицомъ буквально въ оригиналѣ) пещерными гротами, замѣнявшими „отдѣль-
бонитъ“, Маллинатха говорить, какъ объ особомъ качествѣ индійскихъ

Б. Джавни (*jasminum auriculatum*), *yuthikâ*. Сравненіе лица, ушей, рта,
съ лотосами опять одно изъ общихъ мѣстъ индійской поэзіи.

Г. Джавни (Ὀζύνη у грековъ) или Аванти (нынѣ Уджейнъ въ владѣніяхъ
штата Гуджаратъ на плоскогоріи Мальва), резиденція знаменитаго въ индійской
литературѣ. Описание современнаго состоянія Уджавни, этой „Флоренціи
и Бенгальскаго Бессанса“ и сохранившихся тамъ памятниковъ см. *Deussen Erinnerung-*
India, s. 194 — 201 (Kiel-Leipzig, 1904). *Jackson Notes from India*. J. o.
S. 1902, p. 307 — 317.

Д. Джавни, одинъ изъ небольшихъ притоковъ Чамбала (см. I, 45), на
рѣкѣ Джавни. Подлинное слово *пуш* („глубокій“ *пуш* считался однимъ изъ оча-
редныхъ красавицъ, ср. II, 19), въ переводѣ замѣненъ болѣе подходящимъ
словомъ уха „дономъ“. Здѣсь дѣлается намекъ на „флиртъ“ рѣки (женщина)
и мужчины).

29.

Въ разлукѣ исхудавъ, косою тонкой извивая струйки
И потускнѣвъ отъ листьевъ, что поблекли и съ деревь упали,
Рѣка тоску жены въ разлукѣ любящей тебѣ представить:
Твой долгъ теперь ее утѣшить и наполнить свѣжей влагой!

30.

Въ Аванти, гдѣ въ селеньяхъ старцы повѣствуютъ о дѣяньяхъ
Удаяны, въ столицу славную Уджайни отправься.
Какъ будто для блаженныхъ за заслуги мало царства Индры!
И на землѣ еще для нихъ есть уголокъ блаженный: тамъ оны!

31.

Тамъ вѣтеръ съ Шипры на зарѣ приносить вѣжный крикъ фламандъ
И запахъ лотосовъ, расцвѣтшихъ при его прикосновеньи,
Онъ силы женщинъ истомленныхъ сладострастьемъ обновляетъ:
Такъ смѣлымъ словомъ и движеньемъ ихъ любовники возбуждаютъ.

31a.

Тамъ увидавъ на рынкахъ груды камней драгоценныхъ
И нити жемчуга, и изумрудовъ, какъ трава, зеленыхъ,
Коралловыя вѣтки, ты подумаешь: пучина моря.
Утративъ всѣ свои сокровища, лишь воду сохранила!

29. Вѣрная жена въ разлукѣ съ мужемъ не должна заботиться о своей вѣрности и заплетаетъ волосы въ одну косичку, которую можетъ расплести только самъ супругъ по возвращеніи: ср. II, 28, 29, на что здѣсь дѣлается какъ бы "предварительный" намекъ.

30. Легендарный царь Удайна, владетель народа Ватса (его столица была Каушамби къ сѣв. отъ Аллахабада), похитившій принцессу Васавадатту, дочь царя Прадьюта-Чандамахасена, владетеля Уджайни. Легенда объ ихъ приключеніяхъ имѣла обильный матеріалъ поэтамъ и составляетъ также основную рамку для "индійскаго Декамерона", сборника "Катхасаритсагара" кашмирскаго писателя Сомадевы (XI в. по Р. Х.). Въ недавно открытой драмѣ предшественника Калидасы знаменитаго Бхасы (ср. примѣчаніе на стр. 7 вступительной статьи) озаглавленной "Сонъ Васавадатты" (Svapnavāsavadatta) изображается дальнѣйшій эпизодъ: женитьба Удаины на второй "главной женѣ", Падмавати, принцессѣ Магадхійской.

31. Шипра, тоже притокъ Чамбалы, протекающій близъ Уджайни

31b.

Удаяна прелестную похитилъ дочь Прадхоты,
какъ пальмы золотой его бесѣдка тамъ стояла
бешенствѣ исторгнулъ изъ земли свой столбъ слонъ Налагири,
и гостей разсказами объ этомъ забавляютъ.

31c.

Завязываются съ зелеными конями солнца,
и велики слоны: съ висковъ ихъ потъ, какъ дождь, струится.
и храбры, что съ исполиномъ Раваной сражались,
и меча на тѣлѣ обнаженномъ выставляютъ.

32.

и изъ оконъ ароматомъ отъ волосъ упившись
и павлиновъ дружески кричащихъ насладившись,
и, придя въ восторгъ отъ зрѣлища террасъ дворцовыхъ,
и цвѣтами и слѣдами краски женскихъ ножекъ.

33.

и синей шеей Шивы, предъ тобой склонятся Ганы,
и святой обители Владыки трехъ міровъ направься:
и сады тамъ вѣтерокъ съ Гандхавати душистый
и волнъ, гдѣ женщины купаньемъ забавлялись.

31b, с хоть и обозначены у Маллинатхи, какъ „вставки“, но все же ком-
понируютъ имъ. Этотъ нѣсколько перегруженный „Бедкеръ для Уджайни“ очевидно
руководствуется предвосхищая фантастическую картину Алаки (II, 1—11). Цвѣтъ
и вещей колесницу Солнца, по индѣйской традиціи—зеленый.

33a Гандхавати (т. е. душистая) вѣроятно одинъ изъ притоковъ Шьяры или
и озеръ, одно изъ которыхъ, по словамъ Дейссена (l. c.) до сихъ поръ
называется.

Гандхавати составляющіе свиту Шивы и его сына, бога мудрости, Га-
III Шивы посетила послѣ того, какъ онъ по просьбѣ остальныхъ бо-
и спасенія всего міра выпилъ страшный ядъ, всплывшій со дна океана
и богами, дабы при его бурленіи получить 14 знаменитыхъ сокровищъ, въ
и были и напитокъ безсмертія (amṛta, ἀμβροσία), корова Сурабхи

34.

Когда бъ ни прибылъ ты, о другъ мой, въ Махакала, долженъ выжить
Пока не скроется отъ глазъ твоихъ за небосклономъ солнце.
Удары барабана при вечернемъ славословьи бога
Торжественнымъ замѣнишь громовымъ раскатомъ къ вѣщей славы

35.

Звеня при пляскѣ поясами баядерки, опустивши
Подъ тяжестью священныхъ опахалъ въ изнеможеньи руки,
Тебѣ гирлянды взоровъ, черныхъ пчелокъ, бросаешь въ благодарности
Ты раны имъ омылъ, слѣды ногтей любовниковъ горячихъ!

36.

Потомъ свернувшись шаромъ надъ руками бога, какъ надъ рошей
И вспыхнувши китайскихъ розъ румянцемъ, краше зорь вечернихъ
Слона окровавленную замѣнишь шкуру въ пляскѣ Шивы
И яснымъ благодарнымъ взоромъ будешь награжденъ богини.

37.

Когда по Царской улицѣ во мракѣ непроглядномъ въ полночь
Спѣшать къ любовнику въ его жилище женщины со страхомъ,
Ихъ вспышкой молнии озари, какъ золотой чертой по камню.
Но воздержись отъ грома и дождя: онѣ вѣдь боязливы.

34. Махакала-святилище Шивы, близъ Уджайни, было очень популярно, о въ романѣ „Похожденія 10 принцевъ“ Дандина (VI в. по Р. X.). Молитва три раза въ день, утромъ, въ полдень и вечеромъ, обязательна для правотѣрнаго брахманы; въ храмахъ и святилищахъ она сопровождается пѣніемъ, инструментальной музыкой и пляской (ср. I, 35, 56).

35. Царапины и укусы—обязательный элементъ индѣйской „любвонной игры“. См. „Камасутра“ Ватсьянины. II часть, глава 10, 11. „Знатоки“ умѣли „выпарывать“ даже особые узоры, какъ то: полумѣсяцъ, тигровый коготь, павиный змѣй, заячій прыжокъ, лепестки лотоса и т. д.

36. Шива изображается съ 4 или 8 руками, воздѣтыми вверхъ. Каждый вечеръ онъ пляшетъ неистовый танецъ собственнаго паообрѣтенія вмѣстѣ со своей пружой Гаури (она же Бхавани, Кали, Парвати, Дурга) держа въ рукахъ одиозную шкуру убитаго имъ слона. Богиня не любитъ этого и поэтому очень рада, если Шива на этотъ разъ вмѣсто окровавленной шкуры по ошибкѣ схватитъ обаятельную китайской розы (Japâ-pushpa=rosa sinensis).

37. „Царская улица“ (ср. II, 9) имѣлась въ каждомъ городѣ, какъ въ Италіи въ каждомъ городѣ есть свой „corso“.

38.

Эта ночь на кровлѣ дома, гдѣ и голуби уснули,
другой-молнией, отъ сверканья непрерывнаго уставшей,
сходомъ солнца снова долженъ снарядиться ты въ дорогу:
эту порученье долженъ тотъ, кто обѣщался другу.

39.

Ваннымъ любовницамъ подъ утро осушаютъ слезы
ижи утѣхами: нельзя скрывать отъ нихъ лучъ солнца!
Этотъ свѣточъ самъ росу осушить на цвѣтахъ лилей.
Играешь пути его лучамъ, погибнешь жертвой гнѣва!

40.

Внимъ обликомъ своимъ, какъ въ зеркалѣ, ты отразишь
и радостныхъ, ясныхъ, какъ спокойная душа, волнахъ Гамбхиры.
И тихихъ, свѣтлыхъ словно лотось, рѣзвыхъ, словно рыбки,
и плаваютъ въ водоворотѣ, ты не отвергай сурово!

41.

И покровъ воды лазурный, стиснутый бамбукомъ гибкимъ—
лучи, оголивши бедра берега крутого,
и ты ли, другъ мой, опустившись сможешь сразу вновь подняться:
и обнаженную кто сможетъ, разъ вкусилъ усладу?

42.

И понесетъ тебя по направленію къ Девагири
и знаешь вѣтеръ, что даетъ созрѣть плодамъ лѣсныхъ смоковницъ.
и знаешь ароматъ земли, упившейся твоею влагой;
и чувствуютъ слоны, поздрами радостно вдыхая.

1. Намекъ на „флиртъ“ облака со своей женой-молніей.

2. Дневной лотось—любовница солнца.

3. Гамбхира тоже притокъ Чамбала, на зап. отъ Уджани.

4. Дикая смоковница (*udumbara*)—*figus glomerata*.

5. Вѣтры всего нынѣ Деогаръ немного сѣвернѣ линіи Уджани-Бхильса.

43.

Потомъ ты превратись въ цвѣточный дождь и надъ жилищемъ Сканды
Излей потокъ цвѣтовъ, обрызганныхъ водой небесной Ганги.
Вѣдь весь свой жаръ и блескъ, что ярче солнца свѣта, самъ Владелецъ
На мѣстѣ томъ въ огонь излилъ, дабы спаслося царство Индры.

44.

Раскатомъ грома, гулко между горъ пронесшимся, заставишь
Плясать павлина, друга Сканды. Мѣсяцъ Шивы отразился
Въ его глазахъ; когда жъ перо съ глазкомъ онъ изъ хвоста тераетъ,
Для сына Гаури вмѣстѣ съ лотосомъ перо—серьгу вдѣваетъ

45.

Почтивъ рожденнаго межъ камышами, продолжай дорогу:
Вѣдь Сиддхи съ лютнями, боясь дождя, отступать предъ тобою.
Но преклонись предъ рѣчкой, воплощеньемъ славы Равтидевы,
На мѣстѣ томъ, гдѣ приносилъ онъ въ жертву дочерей Сурабхи.

46.

Черпни изъ ней воды, склонившись низко, смуглый словно Кришна.
И небожителей четамъ на землю взоры опустившимъ
Широкая рѣка издалека покажется преузкой:
Какъ будто нитка жемчуга съ большимъ сапфиромъ посреднѣмъ.

43—44. Превращеніе облаковъ въ цвѣты, ниспадающіе съ неба на головы боговъ—героевъ, популярное вѣрованіе у индусовъ. Индійскій Марсъ, богъ войны Сканда (онъ же Картикеейя, Кумара) сынъ Шивы, рожденъ безъ матери: Шива бросилъ свой „блескъ“ (semen geminale), ср. *Deussen. Geschichte der Philosophie*, I, 2, s. 263) въ огонь; тотъ передалъ его водамъ Ганги, откуда 6 нимфъ Криттика (т. е. созвѣздіе Плеядъ) извлекли новорожденного „межъ камышами“ бога и воспитали его, какъ сына. Сканда, святилище котораго лежало близъ Деватпри, изображался съ 6 головами, 12 глазами и руками, державшимъ лукъ и вѣдущимъ верхомъ на павѣнѣ, своемъ любимцѣ. Богиня Гаури относится къ нему съ материнской нѣжностью.

45—46. Чарманвати (нынѣ Чамбалъ) притокъ Ямуны (Джумны). Равтидева, мифическій царь Дашипура (нынѣ Дхольпуръ), 6-й изъ династїи Бхаратидовъ, несомнѣнно богатый, принесъ въ жертву столько коровъ, что кровь стекавшая съ ихъ кожи (по санскритски *чарманъ*) образовала рѣчку Чарманвати (т. е. кожанная). Сурабхи „божественная корова“ (ср. I, 33) разсматривается, какъ прародительница всѣхъ коровъ.

47.

тивъ черезъ нее, своею красотой возбудишь
ивъ игривыхъ взорахъ любопытныхъ женщинъ Дашяпура:
изъ бѣгаютъ, какъ серны пестрыя, рѣсницы вскинувъ,
жвзоры изъ-подъ лiанъ-бровей, какъ пчелки надъ жасминомъ.

48.

ни въ Брахмаварта, осѣнить своею можешь тѣною
дгдѣ погибли воины и сражались Куруиды,
дуна потоки острыхъ стрѣлъ излилъ героямъ славнымъ
ны, какъ ты дождя струями лильи заливаешь.

49.

цѣ, склонись и предъ священными водами Сарасвати:
ия передъ ними и самъ Плугоносецъ, что изъ дружбы
изъ удалился, и вино оставивъ, и Ревати.
изъ ты очистишься и будешь чернымъ лишь снаружи.

50.

изъ возлѣ Канакхала къ дочери Джахну, снизошедшей
изъ царственной горы и воскресившей Сагаридовъ.
изъ бы смѣясь надъ гнѣвомъ Гаури, пѣнясь устремилась
изъ волнами мѣсяцъ на челѣ ея супруга—Шивы.

Брахмаварта или Курукшетра, священная для брахманизма по религіозно-экологическимъ традиціямъ мѣстность къ сѣв. отъ Дѣли, между рѣками Ганг-Опизати; здѣсь же возлѣ Тханесара мѣсто легендарной богатырской битвы Курудами и Пандуидами, окончившейся побѣдой послѣднихъ, описанной въ "Махабхаратѣ". Арджуна, третій изъ 5 братьевъ, сыновей Панду, другъ Кришны, въ славномъ лукомъ Гандива, полученнымъ отъ бога Индры.

Балазарама или Баладева, старшій братъ Кришны (предводителя племени Махабхаратъ"), употреблявшій вмѣсто оружія свой плугъ „Лангади“, отъ прозвища „Плугоносецъ“, пожелалъ остаться нейтральнымъ въ битвѣ Буди Панду. Онъ очень любилъ выпить, но отказавшись отъ участія въ битвѣ и вино, и свою жену Ревати, и удалился на берега священной р. Сарасвати отъ всѣхъ грѣховъ.

Канакхала, нынѣ Канкхалъ, близъ Хурдвара, знаменитаго мѣста паломническо-уединеннаго склона Гималаевъ; см. его описаніе Gordon Cunningham. In the Himalaya. 1901, p. 519—546.

Мѣсто сошествія Ганги (по санскр. Ганга, ж. р.) съ небесъ разсказано въ "Махабхаратѣ" (I, 38—44): некогда царь Сагара, изъ Солнечной династіи, царившей

51.

Когда уверишься въ небо, словно слонъ Айравата, захочешь
Напиться изъ нея воды прозрачной, какъ хрусталь, и чистой,
И тѣнью затемнишь ея поверхность, можно будетъ думать,
Что Ганга здѣсь причудливо соединилась вновь съ Ямуной.

52.

Къ истокамъ Ганги прилетѣвъ, къ горѣ бѣляющей свѣтами
Съ утесами душистыми отъ мускуса газелей горныхъ,
Прильнешь къ вершинѣ, чтобы отдохнуть отъ странствій, и представишь
Какъ черный комъ, рогами бѣлаго быка Владыки взрытый.

53.

Когда въ горахъ лѣсной пожаръ, отъ тренья деодаровъ въ воздухъ
Начавшись, опалитъ быкамъ хвостовъ пушистые султаны,
Ты долженъ затушить его скорѣй, заливъ дождя струями;
Богатство—сила сильныхъ, коль утѣшило оно безсильныхъ.

въ Айодхѣ, имѣвшій 60000 сыновей, собирався въ сотый разъ совершать великій
обрядъ „жертвоприношенія коня“ (asvamedha). Но этого сотаго коня, припасеннаго
для жертвы, похитилъ богъ Индра и скрылъ его въ подземномъ царствѣ. Царь Са-
гара повелѣлъ всемъ своимъ сынамъ отыскать коня; не найдя его нигдѣ на землѣ,
они начали рыть землю и въ преисподней натолкнулись на стоявшаго подлѣ
святаго аскета-мудреца Капила, погруженнаго въ созерцанье. Потроженный Ка-
пила однимъ своимъ гнѣвнымъ взглядомъ сжегъ всехъ Сагаридовъ. Много тысячъ
лѣтъ спустя одинъ изъ потомковъ Сагары, царь Бхагиратха своими аскетическими
подвигами добился того, что боги позволили небесной рѣкѣ Гангѣ спуститься на
землю, оросить и освятить своею водою прахъ Сагаридовъ, которые смогли тогда
сразу попасть на небо. Но такъ какъ Ганга не могла сразу прикоснуться къ землѣ,
то Шива подставилъ ей свою голову, чѣмъ возбудилъ ревность своей супруги Пар-
ри. Протекая дальше по землѣ Ганга потревожила аскета Джакну; тотъ въ гнѣвѣ
проклялъ ее и выпилъ всю ея воду; но потомъ смягчился и „родилъ ее явномъ“, по-
ливъ черезъ свое ухо; отсюда эпитетъ Ганги „дочь Джакну“.

51. Ямуна (Джумна) соединяетъ свои мутныя воды съ прозрачными струями
Ганги близъ древней Праяги (нынѣ Азлахабадъ), и дѣлаетъ ихъ темными; такой же
свѣтовой эффектъ произведетъ и тѣнь облака.

52. Гималайскій хребетъ (Himālaya — обитель свѣга), считается также истокомъ
Ганги. Быкъ Нанди, любимецъ Владыки-Шивы, ослѣпительно бѣлаго цвѣта (ср. I, 50).

53. Деодары или индійскія сосны (*Pinus longifera-deodora*) растутъ на
высотѣ отъ 6 тыс. футовъ, ихъ санскритское названіе devadāru (божественное де-
рево), sarala.

Заключительную сентенцію въ духѣ альтруистической морали ср. съ стихами
Бхартрихари (Nitiśāstra, 74, 75 по бомбейскому изданію Голиватка).

54.

и стремятся на тебя свирѣные шарабхи,
вернешь съ пути внезапно, ихъ погибель неизбежна.
лучше отгони ихъ прочь и громомъ, и дождемъ, и градомъ;
ни да будетъ потерпѣвшій нападая неудачу!

55.

и скалѣ увидишь слѣдъ стопы священной Шивы. Сиддхи
и сѣмъ склоняются въ моленияхъ неустанно. Слѣдуй ихъ примѣру!
и мѣрой подойдетъ къ нему, тотъ отъ грѣховъ уже очищенъ;
очищенъ жъ тѣла ждетъ его удѣлъ блаженный Гановъ.

56.

и когда въ него проникнетъ вѣтеръ, зазвучитъ пріятно,
и жены будутъ воспѣвать побѣду надъ Трипурой.
и хомъ ты забарабанишь мягко между скалъ священныхъ,
и насладится музыкой и пѣньемъ своихъ вѣрныхъ.

57.

и на эти чудеса на снѣжныхъ склонахъ Гималая,
и вѣрь, какъ фламинго, горнымъ переваломъ Краунча,
и ражиль сынъ Джамадагни. Узкой полосой извившись,
и мей Вишну угодобисья стоиѣ, сразившей Бали.

54. Шарабхи—мифическія животныя въ родѣ оленя съ 8 ногами, враги льва

55. Иммиары—мифическія существа изъ „музыкальной свиты“ Куверы, съ
туловищемъ и лошадиной головой. Трипура, сынъ Бали, 1000-рукій
иногда побѣжденный Шивой, который теперь въ своемъ святилищѣ Ка-
лианищемъ слѣдъ его священной стопы, наслаждается „концертомъ“ (sangî-
иамъ „индійскимъ ансамблемъ“: пѣніе, духовые (бамбукъ) и ударные
инструменты.

56. Сынъ Джамадагни т. е. Парашю-Рама (Рама съ скирой) изъ древняго жре-
ца Бхривгу, непримиримый врагъ касты кшатріевъ (воиновъ), считающіеся
и изъ воплощеній Вишну, какъ и Рама, съ которыми онъ даже встрѣ-
чается (Havansa, XI, 68—94). Сказаніе о Джамадагни, его женѣ, убитой и вос-
становленъ ихъ покорномъ сынѣ дало мотивъ для второй пьесы въ „поэтической три-
логии“ „Paria“ (Des Paria Gebet. Legende, Dank des Paria), законченной въ
1893 г. 30 лѣтней обработкой, см. *Haberlandt*. Der altindische Geist. (Leipzig.
1893) „Die Indische Legenden“ Желая помочь въ великой битвѣ Нандундамъ

58.

Пройдешь и станешь гостемъ зеркала богинь, горы Кайласа.
Что Равана многоголовый тщетно сокрушить пытался.
Вершинами, какъ лотосъ бѣлыми, она уходитъ въ небо,
Сверкая словно отъ вѣковъ застывшій бѣлый хохоть Шивы.

59.

Предвижу зрѣлище: какъ будто темной краской умашенный,
Надъ бѣлой, словно клыкъ слона, вершиною горы поднявшись,
Очамъ отъ изумленья неподвижнымъ ты предстанешь дивно,
Какъ темный плащъ, облекшій плечи плугоносца Баларама.

60.

Когда самъ Шива, сбросивъ прочь змѣю—свое запястье, руку
Подастъ, чтобъ по «Горѣ забавъ» съ ней шествовать богинѣ Гатри.
Тогда согнись извивами, внутри себя сдержавши воду,
Ставь лѣстницей для восхожденья ихъ по ступенямъ алмазнымъ.

онъ покинулъ гору Кайласа, гдѣ жилъ ученикомъ у Шивы, и проложивъ себе
резъ Гималаи проходъ въ горѣ Краунча; вѣроятнѣе всего подразумевается
проходъ Нити (свыше 16 тыс. ф.) наиболѣе близкій къ озеру Манаса. Бади, стра-
шный демонъ, сынъ Прахлады и отецъ Трипуры, наводилъ ужасъ на всѣхъ боговъ.
По ихъ просьбѣ Вишну воплотился въ видѣ карлика и попросилъ у Бади, что-
бы «странство въ 3 шага». Исполнивъ согласился, а Вишну въ два шага прошелъ зем-
лю и небо, третьимъ же наступилъ на самого Бади и загналъ его въ преисподнюю.

58. Когда 10-головый демонъ—исполнивъ Равана, похитившій впоследствии
Ситу (см. I, 1)—въ своемъ высокомеріи пытался унести вершину священной сарай-
ной горы Кайласа, то Шива помѣшала этому: руку Раваны прищемили уступы горы
и 2000 лѣтъ не выпускали.

Образцами идеальной бѣлизны у Индусовъ считались (см. Дандинъ, *Das-
kumārasaṁhitā*, I глава „Вступленіе“): осенній мѣсяцъ, жасминъ, камфора, жемчугъ,
лотосъ, лебедь, слонъ Айравата, молоко, гора Кайласа и громкій хохотъ
Шивы. Если для насъ странно звучитъ „бѣлый смѣхъ“, то для индуса вѣроятно стр-
анно „красный смѣхъ“.

59. Баларама (ср. I, 49) въ отличіе отъ своего брата, темнокожаго Кришны
(т. е. чернаго), самъ свѣтлокожій, но носитъ темный плащъ.

60. Шива носитъ, какъ запястье, змѣю, чѣмъ смущаетъ свою супругу Парвати,
ради которой онъ снимаетъ это украшеніе передъ прогулкой на „спортивной за-
щадкѣ“ (*kṛīḍa-śaila*), составлявшей принадлежность всякаго дворцоваго паря (ср. I,
14). Чтобы судить, какое благоговѣніе вызываетъ этотъ стихъ у современнаго индуса,
ср. *Rangacharia A critical appreciation of Kalidasa's Meghaduta*. (Madras, 1910), p. 55—6: „The display of the tender considerateness and

61.

Алака, запястій остріємъ тебя пронзивши
 жадевую выпустивъ, купаться въ ней затѣютъ.
 Другъ, онѣ тебя въ жару въ покоѣ не оставятъ,
 напугай, ихъ уши оглушивъ раскатомъ грома.

62.

Алака, гдѣ золотые лотосы цвѣтутъ, напейся,
 Алаката на мигъ уста любезно прикрывая
 Кальпа, словно шелковыя ткани, раздувая,
 наслаждайся видомъ исполина Гималая.

63.

Кудри Алака, какъ къ любовнику, прильнула, сбросивъ
 свою одежду—Гангу. Другъ мой, ты вѣдь ихъ узнаешь!
 Гангами ея дворцовъ грядями облака витаютъ:
 нити жемчуга красавицъ кудри украшаютъ.

country of Civa, the Father of the Universe, in relation to Gauri, His Divine Mother of the Universe, is indeed as charming here as the suggested splendour of the crystalline Kailasa; and it is no less charming to the scope and manner of the service which the moving cloud-messenger is rendered with religious devotion and reverence to the Great Parents of the

Алака, чудесная резиденція Куверы въ царствѣ Якшей, подробно описана въ III—11, здѣсь сравнивается съ любовницей; ея любовникъ—гора Кайласа, начало Ганга, какъ бы составляющая одѣяніе Алаки, сброшенное ею

Алака, чудесная резиденція Куверы въ царствѣ Якшей, подробно описана въ III—11, здѣсь сравнивается съ любовницей; ея любовникъ—гора Кайласа, начало Ганга, какъ бы составляющая одѣяніе Алаки, сброшенное ею

Алака, чудесная резиденція Куверы въ царствѣ Якшей, подробно описана въ III—11, здѣсь сравнивается съ любовницей; ея любовникъ—гора Кайласа, начало Ганга, какъ бы составляющая одѣяніе Алаки, сброшенное ею

II часть (Uttaramegha).

1.

Въ дворцахъ тамъ все съ тобой соперничать достойно: съ блестящими
 моливый —
 Красавицы, а съ радугой—картины, звуки барабана
 И пѣнье—съ низкимъ мягкимъ громомъ, ихъ алмазные площадки—
 Съ твоей водой прозрачной, съ высотой—заоблачныя башни.

2.

Въ рукахъ красавицъ—лотосы; въ кудряхъ—гирлянды изъ жасмина.
 Отъ пыльной пышноцвѣтныхъ лодхра блѣдность ихъ лица прелестна.
 Цвѣты куравака—на головахъ, въ ушахъ—сириша свѣжій,
 На темени же—нииа, распустившійся съ твоимъ прибытьемъ.

2а.

Тамъ вѣчно въ опьянѣнны рѣютъ пчелы вокругъ деревь цвѣтущихъ,
 И вѣчно лотосы цвѣтутъ въ кругу изъ вереницъ фламинго.
 И вѣчно распустивъ блестящій хвостъ кричатъ павлины,
 И вѣчно полная луна чудесно освѣщаетъ ночи.

2б.

Тамъ только слезы радости въ очахъ сверкаютъ, не печали.
 И только жаръ любви знакомъ: его свиданьемъ утоляютъ.
 И только ссора служить поводомъ къ разлукѣ для влюбленныхъ.
 И только возрастъ юности извѣстенъ подданнымъ Куверы.

II.

1. Максъ Мюллеръ перифразируетъ эту одну стансу двумя „da die indische Kürze der Construction hier unnachahmlich ist“.

2. Въ этой волшебной страсти жены Якшей имѣютъ одновременно цвѣты всѣхъ 6 сезоновъ: kuravāka (Gomphraeria globosa), красивый амарантъ—весною (vasanta), girisa (Mimosa sirisa)—лѣтомъ (grishma), nira (Nuclea kadamba)—въ дожди (varsha), kamala (Nelumbium)—осенью (sarad), lodhra (Symplocos racemosa)—зимною (hemanta), kunda (Jasminum multiflorum)—ранней весною (çiçira); ср. 1, 2.

2 а, б, в обозначены Маллинатхой, какъ „вставные“, но комментируются ими и написаны очень эффектно.

3.

сотившись съ красавицами на террасахъ изъ хрусталя,
и расцвѣченныхъ чудесно звѣздъ сіяньемъ, Якши
«*Лави*» вкушаютъ, этотъ даръ волшебный древа Кальпа.
громомъ замѣни имъ звуки барабана!

4.

весело съ безсмертными играютъ; влажпосвѣжій
Ганги вѣтерокъ ихъ овѣваетъ; пріютившись
въ тѣнь прохладную деревь прибрежныхъ, вмѣстѣ ищутъ
драгоценныя, въ песочкѣ золотомъ ихъ скрывши.

5.

губы, когда любовникъ страстный дерзновенно
кушакъ и сброситъ шелковую ткань съ ихъ тѣла,
жарясь, чтобы затушить алмазныя лампы,
горячія, бросаютъ въ нихъ напрасно горсть сандала.

6.

приподнятыя вѣтромъ до вершинъ дворцовыхъ,
влаги дождевой испортивши картины,
бы въ испугѣ чрезъ рѣшетки оконъ вылетаютъ:
превратятся въ паръ и въ воздухѣ растаютъ.

7.

лунный камень, вправленный въ окошко, влагу источаетъ
лишь часъ, коль путь ему ты болѣе не заграждаешь,
свѣтъ каплями тѣла красавицъ освѣжаетъ,
жизнь страстныхъ ласкъ любовниковъ изнемогаютъ.

Сего рода „любвиный напитокъ“: *rati-phalam*—любви плодъ.

Гла въ своемъ небесномъ теченіи зовется Мандăкини.

Современная парафраза была бы: „посыпаютъ пудрой электрическія лам-

пандійской живописи и скульптуръ см. прекрасную роскошно изданную
Havell. Indian sculpture and painting. London 1906.

Лунный камень (*sandra-kānta*) будто бы вбираетъ въ себя лучи мѣсяца, а
излучаетъ ихъ въ видѣ холодныхъ капель.

8.

Тамъ каждый день спѣшать, несмѣтными богатствами владѣть,
Любовники съ небесными красавицами въ садъ Вайбхраджа
И съ ними въ разговоръ вступаютъ; а Кимнары сладкогласны
Въ то время славу и сокровища Куверы воспѣвають.

9.

Тамъ путь ночной любовницъ угадаешь при восходѣ солнца.
Усѣянъ оны скатившимися на бѣгу съ кудрей цвѣтами
И золотыми лепестками лотосовъ съ ушей упавшихъ,
И жемчугомъ разорванныхъ надъ ихъ грудями ожерелій.

10.

Тамъ часто Шива, другъ Куверы, обитаетъ. Зная это
Туда свой лукъ и тетиву изъ пчелъ принести не смѣетъ Кама.
Но ихъ игривыя красавицы глазами замѣняютъ:
Искусно хмуря брови всѣмъ любовникамъ сердца пронзаютъ.

11.

Тамъ дерево волшебное одно всѣмъ женщинамъ даруетъ
Одежды пестрыя, вино, что зажигаетъ страстью очи,
Бутоны и расцвѣтшіе цвѣты, всѣ украшенья сразу,
И краску, красный лакъ, для ножекъ ихъ, какъ лотосы прекрасныя.

12.

Тамъ отъ дворца Куверы къ сѣверу увидишь и мой домикъ:
Онъ радугой-вратами издали блистаетъ, лукомъ Индры;
А рядомъ наше деревце мандара, какъ ребенокъ милый
Взращенный милою моею, подъ тяжестью цвѣтовъ поникши.

8. Современная парафраза: „Дочь Жуаны—Якши ядутъ гузять въ горнилы паркъ съ небесными кокотками“.

10. Кама, индійскій Купидонъ, богъ любви, тоже вооруженъ лукомъ и стрѣлами, жжетъ стрѣлами сердца. Его лукъ и стрѣлы изъ цвѣтовъ, а тетива—веревка. Онъ очень боится Шивы, такъ какъ тотъ цѣлосда своимъ гнѣвнымъ взглядомъ обжигаетъ Каму въ пепелъ за то, что богъ любви, по просьбѣ остальныхъ боговъ, посланныхъ демономъ Тарака, пытался поработить своей стрѣлой Шиву, дабы возбудить любовь къ дочери Гималая Парвати (она же Дурга, Гаури и т. д., ср. I, 36), но только отъ нихъ могъ родиться богъ, который одолѣетъ Тараку. Шива прощаетъ на свѣтъ, но не обычнымъ способомъ, Сканду (ср. I, 43); см. „Происхождение вселенной“ (Kūṣāgasaṁbhava) Калидасы, пѣсь III. Потомъ Шива позволяетъ Каму родиться лишь по усиленной просьбѣ его супруги Рати.

12. Mandāra (Erythrina indica)—Коралловое дерево.

13.

и прудъ, ступеньками изъ изумруда обрамленный,
 и фотосами на топазныхъ стебелькахъ укрытый.
 Тамъ живутъ фламинго безмятежно и не вспомнить
 имъ недалеко Мана, когда тебя увидятъ.

14.

«Гора забавъ»; ея вершина изъ сапфировъ,
 и льной окруженная изъ золотыхъ банановъ.
 Моей жены, ту горку, я несчастный вспоминаю
 Тамъ на тебя, о другъ, когда ты молніей сверкаешь.

15.

и бесѣдка тамъ съ рѣшоткой изъ куравака цвѣтущихъ,
 и пыльный и прелестный кесара растутъ предъ нею.
 И всю вмѣстѣ жаждетъ чудной ножки моей милой,
 и въ нѣжныхъ усть ея прикосновеньемъ сладкимъ.

16.

и шесть изъ золота, подъ нимъ площадка изъ хрусталя.
 и весь изубранъ изумрудомъ, какъ бамбукъ зеленымъ.
 И павлинь, пріятель твой, на немъ усѣвшись пляшетъ,
 и звонки бьютъ, звеня запястьями, моя подруга.

Фламинго и журавли всегда стремятся на сѣверъ, въ горы; ср. у современ-
 наго индуса и въ Европѣ индуса поэта *Rabindranath Tagore*. *Gitan-*
go-vinṛga), a collection of prose translations made by the author from the
 Bengali. (London 1913), p. 94: Like a flock of homesick cranes flying night
 to their mountain nests let all my life take its voyage to its eternal home...“.
 и подлинникъ (*Gītānjālī*, 148) буквально „словно фламинго стремя-

и кива растенія: асика (*Ionésia asoka*), *kesara-bakula* (*Rottleria tinctoria*)
 и тусовъ съ повѣртіями о „похоти“ различныхъ растеній, которыя для
 и требуютъ человѣческаго участія; асика расцвѣтаетъ лишь тогда,
 и прикаснется къ нему своей ножкой, а кесара—когда она обдастъ
 и собственнаго рта.

17.

Храня въ душѣ примѣты эти, другъ, конечно ты признаешь
(Надъ дверью лотоса и раковины есть изображенье)
Мой домъ, хотя и выглядить онъ безъ хозяина уныло:
Такъ увядаютъ по заходѣ солнца лотосы дневные.

18.

Тотчасъ, для скорости, слова привнявши обликъ молодого,
На той «Горѣ забавъ» прелестной, мной описанной, спустившись
Ты долженъ осторожно заглянуть внутрь дома молнии вспыхивающей
Какъ будто вереницей свѣтлячковъ, проникшихъ чрезъ окошко.

19.

Стройна, смугла, съ зубами острыми и алыми губами,
И съ узкимъ станомъ, но глубокимъ лономъ, съ быстрымъ взглядомъ серымъ
Съ походкой медленной тяжелыхъ бедръ и съ полными грудями
Она среди красавицъ міра—первое созданье Брахмы!

20.

Она молчитъ. Ее, мою вторую жизнь, узнать ты долженъ:
Со мной разставшись бѣдная тоскуетъ, точно чакравака,
Отъ скорби тяжелой тяжело гнетущихъ дней, конечно.
Она поблекла, думаю, какъ міана осенью ненастной,

21.

Отъ горькихъ непрерывныхъ слезъ глаза припухли у бѣжавшей.
Отъ жаркихъ воздыханій ротикъ алый потерялъ румянецъ.
Лицо, на ручку опершись, почти закрыто волосами,
Теперь подобно мѣсяцу, когда его ты затуманишь.

17. Лотосъ и раковина принадлежитъ къ числу 9 сокровищъ Кутеры, ослѣпляющихъ какъ бы его гербъ, начертанный на дверяхъ жилищъ его высказовъ.

19. „Лоно“ вмѣсто „пупъ“ (ср. I, 28).

20 Чакравака (apas caesareu), символъ супружеской вѣрности: эта птица всегда осуждена ночью разлучаться съ самцомъ и жалостно кричать.

22.

ты увидишь, либо совершаетъ приношенья,
какъ исхудалый мой на память рисовать пытаюсь,
поетъ канарейку въ клѣткѣ, что поетъ такъ нѣжно:
увиши ли, о милая, хозяина? Тебя любилъ онъ»!

23.

быть бытъ, одѣвшись кое-какъ, къ груди прижавши лютню,
напронивъ — отъ горючихъ слезъ намокли струны —
выпѣсю спѣть, гдѣ съ именемъ моимъ есть словъ созвучье,
лишь, подобранный ужъ ею, снова забывается.

24.

до дня свиданья неистекшіе считаетъ:
она пороги разложивъ цвѣты, по нимъ гадаетъ,
буду встрѣтилась со мной мечтая, сладость ощущаетъ:
скажи это все въ разлукѣ развлеченье составляетъ.

25.

какимъ еще не такъ мучительна за недосугомъ;
она на досугѣ, думаю, мученья нестерпимы.
любимъ, другъ, когда она къ землѣ припавъ безъ сна страдаетъ,
стань у окна и ободри моимъ привѣтомъ.

В примечаніяхъ къ изданію *Godbole-Parab: sârikâ* — a bird song; по Уильсону: *bird song*. Начиная съ ст. 22 до 30 включительно по мнѣнію Мааллиатхи, изображающею всѣ 9 стадій, которыми полагается пережить влюбленнымъ отъ разлукъ, а именно: 1) задумчивость (*manas*), 2) тоска (*sangâ*); 3) рѣши-тельность (опредѣленнаго желанья (*samkalpa*), 4) безсонница (*jâgara*), 5) *bhâgâtâ*, 6) равнодушіе, притупленность (*vishayadvesha*), 7) потеря стыда (*âpâra*), 8) безуміе, психозъ (*cittavibhramâ*), 9) обморокъ, стоагния (*madgeshana*). 10-я стадія (*avasthâ*) соотвѣтствуетъ одна станса. Подробное и интересное по обстоятельности описаніе этихъ „стадій любви“ имѣется въ довольно поздней инд. поэмѣ „*Naṭyaśeṇḍra carita*“ поэта Харикави (XVII в.). Текстъ и введеніе съ предисловіемъ изданъ О. Щербацимъ (Зап. Имп. Ак. Наукъ. М. 1897. стр. 86—96. Последней 10-й стадіей считается смерть отъ любви.

22. Музыкальной впечатлительности индусовъ и ихъ музыкъ достаточно ясно свидѣтельствуетъ сцена въ знаменитой драмѣ „Глиняная тѣлѣжка“ (1871) въроютно VI в. по Р. Х., гдѣ герой Чарудатта возвратившись изъ воинской посылки свое восхищеніе и даетъ оцѣнку пѣвца (актъ III, сц. 1). Возвратившіяся названія 7 нотъ: *sa, ri, ga, ma, ra, dha, ni, sa*, черезъ пер-и заимъ были занесены въ Европу, равно какъ и самое названіе „гама“ (мелодія); см. *Pischel. Geschichte der ind. Literatur*, s. 187 (хотя тамъ нѣтъ и значенія специалистовъ-музыкантовъ). Этотъ вопросъ затронулъ уже давно *Indische Literaturgeschichte*. (Berlin. 1876) s. 291, 367—8.

26.

Одна на ложѣ, исхудалая, она серпомъ свернулась,
Какъ новый мѣсяцъ восходящій на востокъ, узкій, блѣдный.
И ночи, что со мной въ любви утѣхѣя миломъ пролетали,
Теперь въ разлукѣ безконечно тянутся, лишь для печали!

27.

Тяжелыми отъ слезъ рѣсницами она безсильно хочетъ
Прикрыть глаза, открывшіяся было мѣсяцу на встрѣчу,
Его лучамъ прохладнымъ сквозь окно проникшимъ, по привычкѣ
Они закрылись: спать она, иль нѣтъ... какъ лотосъ въ день тумана!

28.

Нависшія на щеки кудри, смытыя простой водою,
Откинувъ вздохомъ, изсушившимъ алыхъ устъ ея бутоны,
Сойтись со мной хоть въ грѣзахъ жаждетъ, жалостно ко сну взыскать.
Но капли слезъ, заливъ глаза, теперь и снамъ путь преграждаютъ.

29.

Коса, что въ день разлуки ты сама сплела сорвавъ гирлянды,
Должна быть мной распущена, когда минуетъ срокъ проклятья.
Она узка, жестка и рѣжетъ щеку; судоржно рукою
Съ отросшими вогтями бѣдная ее пытается отбросить.

30.

Несчастная, всѣ украшенья снявъ, на ложе безпрестанно
Ложится и все мечется измученнымъ и хрупкимъ тѣломъ...
Навѣрно ужъ тебя пролить слезу горячую заставитъ!
Бываютъ жалостливы тѣ, кто сами слезы проливаютъ.

31.

Увѣренъ я, исполнено любви ко мнѣ ея сердечко
И первая разлука привела въ такое состоянье.
Не хвастаюсь, не назову себя счастливымъ безпричинно:
Ты скоро самъ увидишь все во-очью такъ, какъ описалъ я.

32.

на отвыкнувъ отъ вина, игру бровей забыли,
о втираньяхъ краски, подъ нависшими кудрями.
тебѣ тобою, думаю, моргнутъ у черноокой вѣки,
вызываетъ лотось, если потревоженъ рыбкой въ рѣчкѣ.

33.

счесть лѣвое бедро—оно бѣлѣй ствола банана—
живъ утѣхъ любви, ласкаль и глаживаль я часто...
рока лишено своихъ обычныхъ украшеній:
пятиохъ ногтей и нитей жемчуга не носить больше!

34.

тебѣ влаги! если милую уснувшю застанешь,
овишись, громъ свой удержи хотя бѣ на четверть ночи!
тебѣ, если ей приснилось со мной свиданье,
не моргнута мѣны узъ своихъ съ возлюбленнымъ внезапно!

35.

тебѣ вѣтеркомъ, пропитаннымъ жасмина ароматомъ,
тебѣ дождя подругу освѣжи и разбудивши
тебѣ дождя подругу освѣжи и разбудивши
тебѣ дождя подругу освѣжи и разбудивши
тебѣ дождя подругу освѣжи и разбудивши

32. во всякихъ предчувствіяхъ, къ числу которыхъ относится непроизвольныя
мгнанія и т. п., для женщины лѣвая сторона—счастливая, правая—не-
счастливая; для мужчины же наоборотъ.

33. считать „парапынь любви“ см. I, 35. Эти царапины, наносимыя „по пра-
вильнымъ“ причинамъ, должны служить напоминаньемъ о любви: R. Schmidt. Beiträge
zur Erotik (Leipzig. 1902) s. 484—496, приведены извлечения изъ другихъ
японскихъ любовныхъ романовъ, кромѣ Ватсуйны, преисполненныхъ по своей педантичной об-
становкѣ „философскимъ“ разсужденіемъ: „Когда любовники—спеціалисты
искусства любви, то это по истинѣ составляетъ квинтэссенцію бога любви. И
искусство любви—безконечнаго счастья для мастеровъ любви“.—„При видѣ слѣ-
дствій любви—на тѣлѣ мужчины или страстной женщины, даже у святого
возникаетъ отъ страсти, тѣмъ болѣе у всякаго другого!“ (s. 495).

34. четверть ночи или одна „стража“ (3 часа) считается, по „Кама-сутрамъ“
однимъ срокомъ для непрерывныхъ „любовныхъ наслажденій“, даже при са-
мѣйшемъ темпераментѣ.

36.

— Супруга другъ стоитъ вблизи тебя; ты — не вдова, знай это!
И вѣсть о немъ я передамъ тебѣ, что сердцу онъ довѣрилъ.
Пріятно низкимъ громомъ тороплю я путниковъ усталыхъ,
Стремящихся скорѣе распустить далекимъ женамъ косы. —

37.

Она услышитъ это и, вздохнувъ отъ нетерпѣнья, взглянетъ,
Какъ Сита на посланца, сына Вѣтра, и почтивъ привѣтомъ
Дослушаетъ тебя, мой братъ! Для женщинъ получить извѣстье
О миломъ черезъ друга почти то жъ, что получить свиданье.

38.

Тогда для своего и моего успокоенья, братъ мой!
Ты скажешь: — Твой возлюбленный пріютъ нашелъ въ пріютѣ Раны.
Онъ живъ и о твоёмъ здоровьѣ жаждетъ получить извѣстье. —
(У всѣхъ подверженныхъ превратностямъ судьбы привѣтъ обычный.)

39.

— Отторгнутый судьбой онъ въ мысляхъ какъ бы сочетаетъ
Съ твоимъ худымъ свое съ тоски изсохшее худое тѣло,
Съ твоими жаркими слезами — тоже слезы, а съ печалью
И вздохами — свою еще сильнѣйшую печаль и вздохи. —

40.

— Коснуться твоего лица желая какъ-то при подругахъ,
Тебѣ сказалъ онъ тихо на ушко, что могъ сказать бы громко...
Теперь, когда тебѣ нельзя его ни видѣть, ни услышать,
Моимъ устами довѣрилъ онъ слова своей любви печальной. —

37. Сынъ вѣтра т. е. Хануманъ (ср. I, 1) явившійся съ вѣстью отъ Раны.
Ситѣ, когда она была въ плѣну у Раны.

41.

гнѣбкій станъ — въ изгибахъ лѣанъ, твой взглядъ — у серны
боязливой,
снѣжный ликъ — въ лучахъ луны, а пышность косъ — въ хвостѣ
павлина,
нѣтъ рѣки я узнаю твои нахмуренныя брови,
тебѣ, о пылкая! ищу, но возсоздать не въ силахъ»!

42.

гнѣвъ страстную, нарисовавъ на скалахъ камнемъ,
нѣтъ захочу изобразить къ ногамъ твоимъ припавшимъ...
снѣгъ градомъ изъ очей и взоры омрачаютъ:
и здѣсь осуществить свиданье намъ не разрѣшаетъ»!

43.

гнѣбный твой желанный, наконецъ, хоть въ сновидѣннѣ,
гнѣбный призракъ въ воздухѣ пытаюсь удержать руками.
гнѣбныя божества не въ силахъ ужъ изъ сожалѣннѣ
гнѣбныя меня съ вѣтвей росы жемчужными слезами».

44.

гнѣбный кѣ намъ на югъ прохладный вѣтеръ съ Гималая
гнѣбный почками и свѣжимъ сокомъ деодаровъ,
гнѣбный схватить, обнять его порывъ бодрящій ароматомъ!
гнѣбный тамъ онъ обнималъ тебя, на сѣверѣ далекомъ»!

45.

гнѣбный скоротать ужасные часы безсонной ночи,
гнѣбный жаръ палящій днемъ всегда... Его снести нѣтъ мочи!
гнѣбный страстно сердце, быстроокая! но все напрасно!
гнѣбный мучительной разлукой такъ ужасно»!

41. Чинная отъ этой стансы „вѣсть“ поручаемая Облаку-вѣстнику излагается
по-испански. Страдалецъ Якша доходитъ здѣсь до высшаго аффекта и эти стихи
становятся великолѣпны. Манера такого „расчлененія“ описываемой красавицы
универсальна и въ испанской драмѣ, напр. у Кальдерона, *El magico prodigio* (I, esc. 118), гдѣ Сиприано описываетъ красоту Хустины въ 40 стихахъ
тотъ же способу и заканчиваетъ:

Son las partes que componen
A esta divina mujer.

46.

«О будущемъ усердно размышляя я пріободряюсь.
Не приходи жъ въ отчаянье и ты напрасно, дорогая!
Ничей удѣлъ вѣдь не бываетъ сплошь счастливымъ или несчастнымъ.
Судьба бросаетъ насъ то внизъ, то вверхъ, какъ ободокъ колесный».

47.

«Когда со змѣя встанетъ спящій Вишну, конченъ срокъ пролѣтѣть.
Пока же проводи четыре мѣсяца смеживши очи.
За то потомъ, на волѣ, нашей страсти пылкія желанья
При лунномъ свѣтѣ утолимъ мы всласть въ тиши ночей прохладныхъ».

48.

—Еще добавилъ онъ: «Ты помнишь, разъ прильнувъ ко мнѣ въ постель.
Проснулась ты со стономъ и въ исцугѣ слѣзы проливала?
И на мои распросы, наконецъ, отвѣтила съ улыбкой:
—Пригрезилось мнѣ, будто измѣнилъ ты мнѣ съ другой, коварный!»—

49.

«Извѣстью обо мнѣ теперь должна ты вѣрить безусловно.
Объ участи жъ моей не безпокойся! Лживо изреченье:
Разлука — смерть любви. Неправда! Кто въ разлукѣ не вкушаетъ
Съ возлюбленной своей утѣхъ любви, лишь пылъ свой разжигаетъ».

46. О „колесѣ фортуны“ см. еще въ Ригъ-Ведѣ, X, 117, 5:

Въ нуждѣ другому пусть поможетъ сильный,
На путь далекій въ будущемъ взирая:
Какъ колесо вертятся колесницы,
Идетъ богатство къ одному, къ другому.

47. Вишну почиваетъ на лонѣ „мирового змѣя“ во время дождливаго времени года и просыпается въ началѣ осени, самаго „любовнаго сезона“, когда прохладныя осеннія ночи особенно цѣнятся любовниками.

50.

милую, печальную въ своей разлукѣ первой,
 съ той горы, гдѣ Шивы быкъ избороздилъ вершину.
 ты вѣсти вѣрныя отъ ней доставивъ, ты спасаешь
 жизнь столь нѣжную, какъ на разсвѣтѣ юный цвѣтъ жасмина.

51.

сказалъ мнѣ «да», мой другъ! Но я тебѣ повѣрю смѣло:
 не по словамъ, но твоему вѣряясь благородству.
 съ испытъ воды своей даешь ты птичкѣ чакравака:
 съ отвѣчаетъ благородный другу, а дѣлами!

52.

тѣбы, иль изъ жалости ко мнѣ, несчастному въ разлукѣ,
 жертвѣ рока,
 ни все, о другъ, о чемъ прошу я искренно и скромно,
 но, однако, въ желанный край, дождемъ сверкая,
 возлюбленную — молнией ни на мигъ не разлучаясь!

Этотъ стихъ хотя комментируется и не отвергается Маллинатхой, но
 и весьма неудачно, о чемъ очень рѣшительно высказался еще Gilde-
 рмановскихъ примѣчаній къ своему изданію „Meghadûta“ (Bonnae.
 1871) Prorsus enim inepte a teli nube poscitur ut redeat, neque haec scribere
 potest, qui in versibus praecedentibus tam eleganter et ingeniose indicaverat,
 quod signo quidem neque sono respondentem fingere velle.

Маллима, по правиламъ, должна кончаться намекомъ на счастливое будущее,
 т. е. знаменованіемъ или пожеланіемъ, а потому благодарный Якша желаетъ
 своему, Облаку-вѣстнику, никогда не разставаться со своею возлюбленною —
 Маллинатха цитируетъ изъ трактата „Sârasvâtâlamkâra“: ânte kâvyasya
 âpîtrîyâd âçîsam uttamâam sarvatra vyâpyate vidvân nâyakecchânurûpinîm.
 Маллима долговѣчности поэмы, пусть (поэтъ) сдѣлаетъ наилучшее пожеланіе.
 Маллима (поэтъ) уболаготворяется всячески — соответственно желанію ея героя.

Прилагаемая иллюстрація переснята съ одной изъ картинъ въ краскахъ, сдѣланныхъ для «Мегхадуты» современнымъ знаменитѣйшимъ индѣйскимъ художникомъ Абаниндронатхъ-Тагоромъ. Онъ иллюстрируетъ текстъ I, 45, 2: «Вѣдь Сиддхи съ лютнями, со слезами дождя, отступаютъ предъ тобою...» (Буквально: «Ты, перелезая горы, освободяешь путь пары Сиддховъ съ лютнями изъ божественныхъ капель...») Снимокъ сдѣланъ съ приложения къ роскошному и цѣнному изданію *Havell. Indian sculpture and painting. London 1908 (Plate 74)*, содержащему также три иллюстраціи на ту же тему того же художника вмѣстѣ съ небольшою характеристикой этого реставратора въ области національной индѣйской живописи. Абаниндронатхъ принадлежитъ къ той же старинной и знаменитой индѣйской фамиліи Тагоровъ, которая дала Индіи рядъ выдающихся людей въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ (Paul Cremer. *Rabindranath Tagore. s. 8—9. Berlin. 1914. Der moderne Dichter. München 1914*) и увѣнчана нынѣ такой геніальной личностью, какъ находящійся теперь въ полномъ расцвѣтѣ силъ и творчества (род. въ 1861 г.) поэтъ-философъ — поэтъ-композиторъ Рабиндранатхъ Тагоръ.

П. Риттеръ.